

18+

Сергей Чернец
Собрание сочинений

Том седьмой

Сергий Чернец
Собрание сочинений.
Том седьмой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53661069
ISBN 9785449861276*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Собрание сочинений рядового писателя включает в себя рассказы, написанные на протяжении нескольких лет. В своих рассказах писатель описывает жизненные ситуации, которые мы не замечаем, а если видим, то проходим мимо. Его герои списаны отчасти с его жизни и жизни его знакомых попутчиков.

Содержание

Эхо абсолютного времени	5
Родина	12
Петух клюнул в нос мальчика	14
О Природе, и не только	21
О схимнике	34
Депрессия	39
Кто видит цветные сны и почему?	51
За письменным столом. Темперамент	55
О книгах и поэзии	63
Об опыте и мастерстве	68
Литература – поэзия	72
Перевод	81
Стихотворение в прозе	96
«Поэтическое»	100
Акустика	102
«Фабрика человеческого познания» – это философия	106
И это другая история	133
Депрессия	135
Душа и Сознание	140
Тело и душа без философии	148
Душа И пояснения в проповеди	154
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Собрание сочинений

Том седьмой

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2020

ISBN 978-5-4498-6127-6 (т. 7)

ISBN 978-5-4498-5657-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эхо абсолютного времени

Справка:

Звуковое эхо – отражённый звук.

Эхо замечают, если слышат также прямой звук от источника, когда в одной точке пространства можно несколько раз услышать звук из одного источника, пришедший по прямому пути и отражённый (возможно несколько раз) от окружающих предметов. Так как при отражении звуковая волна теряет энергию, то звуковая волна от более сильного источника звука сможет отразиться от поверхностей (например, стоящих друг напротив друга домов или стен) много раз, проходя через одну точку, что вызовет многократное эхо (такое эхо можно наблюдать от грома).

Эхо обусловлено тем, что волны могут отражаться твердыми поверхностями, это связано с динамической картиной разрежений и уплотнений воздуха вблизи отражающей поверхности. В случае, если источник звука расположен неподалеку от такой поверхности, повернутой к нему под прямым углом или под углом, близким к прямому, звуки, отразившись от такой поверхности, как волны отражаются от берега и возвращаются к источнику.

Благодаря эху, говорящий может вместе с другими звуками слышать свою собственную речь, как бы задержавшуюся на некоторое время. Если источник звука находится на до-

статочном расстоянии от отражающей поверхности, а кроме источника звука поблизости нет никаких дополнительных звуковых источников, то эхо становится наиболее отчетливым.

Эхо становится различимым на слух, если интервал между прямой и отражённой звуковой волной составляет 50—60 м/с, что соответствует 15—20 м, которые звуковая волна проходит от источника и обратно, при нормальных условиях.

Экспозиция:

Возможен ли портрет теории?

Портрет мировоззрения? А вместе с ним, портрет культуры, портрет эпохи?

Не изложение, не конспект, не простая история, не научно-популярный очерк, – а именно портрет?

Такой, чтобы в каком-то очень ёмком и впечатляющем образе были выражены существенные, характерные черты предмета изображения.

Писатель имеет ли право, не опасаясь придилок со стороны специалистов, руководствоваться, как любой человек искусства, прежде всего своим собственным субъективным ощущением, субъективным пониманием предмета и таким образом идти к объективности?

— — — — —

Запах, может отозваться эхом, возвращая нам память о событиях, связанных этим запахом. Вид природы или

предмета – тоже самое, может напомнить нам время, когда мы эти предметы видели в прошлом. Событие, часто нам приводят воспоминания, что такие же, ну, почти такие же, были в прошлом. А также – звуки, так уж наш слух устроен и отдельные слова, и речи могут нам напомнить о прошедшем времени.

Если воздвигнуть памятник Ньютону, его теории, его мировоззрению, которое подвело некоторые итоги. Будет отмечен трудный и величественный участок пути, пройденный человеческой мыслью к концу семнадцатого века: когда было создано первое математическое изображение нашего мира, модель, ещё очень примитивная, очень неполная, однако – в грубом приближении – верная.

Этот памятник, не будучи изображением чего-либо видимого, был бы красив в своём единстве, в своей органической целостности, как некое явление природы, созданное природой самой, например, как океан или как Эверест... Или как звёздное небо!

Но ведь памятник и будет создан природой. Ибо человек (художник, скульптор) – та же природа. При посредстве человека возникло сооружение, которое неминуемо отразило в себе черты сознания создавшего. Эти черты были вместе с тем результатом истории человеческой мысли.

Если бы кенотаф Ньютона был осуществлён в камне, величественный и мрачный, то он возвышался бы как напоминание о равнодушных и незыблемых законах, управляющих

вселенной.

Примерно: Где-то в бездонной, черной далёкости сверкает бриллиант Полярной звезды, и к нему на невидимой нити подвешен невидимый маятник, который отщёлкивает секунды, минуты и миллионолетия единого абсолютного времени... Из какого-то пункта полной неподвижности проведены невидимые координаты абсолютного же пространства...

Шары миров и шарицы галактик вращаются бесшумно и вечно по велению божественного часовщика. Никаких событий и никаких изменений: скорость света и само пространство не изменяется). Всё сделано от века (в вечную вечность назад) и на века (в вечную вечность вперед).

И люди предстали бы пред этим зрелищем – потрясённые, благоговеющие, познавшие одновременно и силу разума, и собственную свою ничтожность в неизмеримо огромной и безжалостной вселенной.

Законы механики, написанные по-латыни сэром Исааком Ньютоном: «Аксиомы или законы движения», были вывешены над кафедрами аудиторий университетов всего мира и составляли фундамент точных наук двух минувших столетий.

Конечно, если бы решиться украсить такой кенотаф, не следует оставлять статую Ньютона в одиночестве. Нет, во имя справедливости нужно было рядом поставить изображения ещё трёх людей.

Коперника, Галилея и Кеплера.

Коперника первого, кто решился освободить науку от главного предрассудка, мешавшего её развитию, – от мысли, что Земля есть подножие господа и человечество сотворено и предназначено Богом для осуществления божественных планов-начертаний...

Что ж! Да здравствует научная смелость, но и жизненная уместность дипломатического канонника, который работал на государственной духовной должности ровно столько, чтобы сохранить себе возможность и даже удобность для научных занятий! А разум, с его помощью, взобрался ещё на несколько ступеней выше.

Галилея, которого надо назвать подлинным и первым учёным, в современном смысле слова. Да здравствует его подхалимство по отношению к властителям. Когда он, например, назвал открытие первых планетных спутников именем своего начальства! Да здравствует его «предательство», его отречение, произнесённое им перед бандой хозяев, грозивших ему пытками и костром. Он был поставлен на колени, так что голова его была на уровне их ног, внизу. Дурачьё не видело, что она (голова учёного) возвышается над ними, как Солнце над тлями! Он произнес набор идиотских словес (детских заклятий) и этим «купил» себе возможность работать дальше. Ведь ему предстояло ещё написать свою механику, что имело значение для Науки не меньше, чем уже написанный «Звездный вестник». Разум должен был поднять-

ся ещё на несколько ступенек...

И, наконец, Кеплера, который почему-то, даже спустя двести лет ещё не вознесён на достойную его высоту. Да здравствуют гороскопы Иоганна Кеплера, который составлял их для властей и богачей и тем питался. А ведь именно он разыскал, нашарил те законы, по которым вращаются все планеты вокруг Солнца!

Многое из того, чем славен Ньютон, почти совпадает с открытиями Галилея и Кеплера. Надо было сделать только один шаг, чтобы «Ньютоново здание» науки было завершено. Но этот шаг был последний, и его совершил – Ньютон!

«Комбинат познания» – философия.

В изучении философии есть тройная выгода, как говорил один профессор.

Во-первых, – люди научаются «философствовать» – то есть мыслить. Это дается отнюдь не многим.

Во-вторых, – перед взором изучающего проходят картины мира, как понимало мир человечество на протяжении всей своей истории. А это доступно многим и не только из школьной программы.

В-третьих, – люди могут получить университетский диплом, учась на факультете философии. Это могут все.

Так профессор начинал свои лекции, он преподавал философию.

Конец.

Родина

Редкие люди знают родословную своей семьи. На самом деле никто не знает родословную нашей (моей) семьи. Она теряется, как тропинка ведущая в густой лес, теряется сразу за первыми же деревьями и высокой травой опушки (начала леса). Не знаю я, каков был мой прадед...

Я вижу свою страну, наполненную людьми, вижу народ, деревню, взирать пытаюсь в древние времена: что там было (?), – во всём, и в деревне и в людях записана моя родословная, одного из миллионов людей, не очень-то обласканных судьбой и не наделённых счастьем.

Слово «родина» звучит очень книжно для меня. Я чувствую неразрывную связь с живой Землёй предков, вижу и доброе, и злое, исчезнувшее в прошлых годах, что можно было и пожалеть, и любить. Но никогда я не чувствовал такой пылкой, трагической любви, как выразил некий петербургский поэт в своём возгласе: «Россия, нищая россия!» – и так далее. Всё это возвышенно-книжное!

Я же знал и видел свою Родину кровью своего сердца – как, говорят: это в крови... , при случае приверженности человека. Жестокие, трагические недостатки, пороки, которыми болел народ, я чувствовал в самом себе. Но, как, быть может, у многих людей, не утративших способности отдавать своё сердце любви, Родина (страна) была для меня тем са-

мым миром, в котором я жил, двигался, воздухом которого дышал. Я не замечал этой среды (родины), как рыба не замечает воды, в которой живёт; я сам был Страной, человеком с печальной нерадостной судьбой...

Деревенскую жизнь. Мужиков, довелось мне узнать не по книжкам и описаниям. Лучшую пору моей жизни – детство – провёл я в деревне. И с этой драгоценною порою связано всё, что есть во мне лучшего (и дружба и взаимоподдержка, и верность словам и клятвам). Всё что окружало меня было наполнено особенным, деревенским, простым, добрым духом.

Из хлебосольного, богатого словом и песнями мира явилась моя Бабушка – деревенская редкая (теперь) женщина, до последнего дня своей жизни умевшая отдавать людям остатки своих сил. К добрым, чутким и великодушным людям принадлежал мой Дед. Дикой травой-муравой заросла его могила. Но сердце (моё) ещё крепко хранит далёкие воспоминания.

Мама моя и отец уже ушли – отделились от деревни, они жили и прижились в городе. А я воспитывался в деревне до школьной поры. Но и в школьные годы каждое лето проводил у Бабушки. И именно деревню всегда считал своей Родиной.

Конец.

Петух клюнул в нос мальчика

Рассказ.

Ранним утром, выскочив на крыльцо, маленький мальчик аж прижмурился от желтого и яркого света солнечного круга, который поднялся над ближним лесом. Деревенский дом стоял на краю деревни среди густого леса. Сразу за огородами этот лес на многие километры тянулся на восток! И сразу за огородами высокие березки опушки переходили в высокий сосновый бор.

Во дворе, кудахча, важно похаживал петух, охраняя копошащихся у плетня курочек: они разрывали землю с негустой травкой, разыскивая червячков.

Мальчик протер прослезившиеся глаза и взглянул в солнечное утро с ясным голубым небом и легким шумом леса, доносившемся сбоку от двора.

За невысоким плетнем был садик и огородик с тремя грядками огурцов и двумя грядками помидоров. Грядки поливала бабушка. Плетень – этот, маленький заборчик во дворе, бабушка изготовила недавно вместе с мальчиком, и теперь он красиво выделялся, приятно радуя глаз. Мальчик вспомнил, как они вместе ходили на овраги, далеко за деревней, которые весной заливало водой. Летом овраги просыхали, оставляя небольшие бочажки-болотца с водой, по бере-

гам которых росли многочисленные ивовые кусты: ивы-тальника. Бабушка нарубила ветки ивы, а мальчик складывал их в двухколесную большую тележку. Ветки, мальчик очищал от листьев и складывал только длинные прутки. Эти прутья они привозили во двор, где уже стоял каркас из столбиков и поперечных брусьев. Потом они, вместе с бабушкой просовывали прутья между брусьев, и строился плетень! Все это было забавно, ново и весело! Длинные концы прутьев торчали поначалу вверх, и ниже, и выше, как нестриженные волосы на голове мальчика, какие он видел в зеркале по утрам: взъерошенные. А когда бабушка их подрезала ровно – плетень стал выглядеть красиво.

С высокого крыльца (а в детстве все кажется большим: когда деревья были большими – фильм такой есть) весь двор был виден мальчику. И все казалось прекрасным и плетень, и бабушка с лейкой в садике; и курочки пестрые у плетня. И важный и красивый петух: желтый воротник, белые перья и цветные, красные и черные перья большого хвоста очень привлекли внимание мальчика. А главное, – большой и красный гребень на его голове колыхался очень интересно, когда, покудахтав, петух вскидывал свою голову! И мальчику захотелось посмотреть ближе на эту природную красоту, потрогать.... Он быстро спустился по трем широким ступенькам крыльца и весело подбежал к стайке курочек с петухом. Но тут неожиданность: петух не испугался, как сделали это курицы, врассыпную бросившиеся наутек. Петух,

вдруг, громко заклохотал, закричал и подпрыгнул вверх. Он захлопал крыльями и налетел на мальчика, клюнув его прямо в кончик носа. Отлетев назад, петух и в очередной раз изготовился напасть, но мальчик побежал, и слезы брызнули из его глаз. Он громко заплакал и закричал своим тонким голосом: «Бабушка-а-а!». Из-за слез мальчик не видел направления куда бежал, и не смотрел под ноги. Он пробежал вдоль плетня к калитке в сад, у которой стояли грабли, оставленные бабушкой. Петух тоже кудахтал довольно громко, погнавшись вслед за мальчиком. И в этой суматохе мальчик наступил на грабли: палка от граблей ударила мальчика по голове сбоку, и мальчик упал в слезах и плаче взывая к бабушке. А бабушка уже бежала, бросив свою лейку между грядок. «Сашенька, Сашенька!..» – и видит картину: её Сашенька валяется на траве, на нем лежат грабли и на эти грабли взгромоздился петух, готовый клевать «поверженного врага». «Кыш-кыш, противный, что ты тут наделал!» – бабушка подняла Сашеньку, отряхнула ему рубашечку и стала успокаивать. А петух и не собирался отступать! – он немного отлетел в сторонку и уже изготовливался напасть и на бабушку. Но подняла бабушка упавшие грабли и пригрозила ими смелому петуху. Тут он, уже, наверное, испугавшись, бегом побежал в другой угол двора ко хлеву и сараю.

Так у Саши появилась царапина на носу и большая шишка сбоку лба.

Но утро солнечное, звавшее на улицу, вдруг, тоже помрач-

нело. Мальчику намазали нос зеленкой и заклеили ободранное место бумажкой. Шишка на лбу тоже была покрыта зеленкой и сверкала в окне, у которого сидел мальчик, глядя во двор, как бабушка ходит по своим делам – то в хлев, то в сарай, под навес. Бабушка ходила около тех же курочек, и петух крутился рядом с ней и даже не думал нападать на нее. «Почему он меня не любит» – думал мальчик, все еще побаиваясь этого «злобного зверя». За окном погода портилась, может, почувствовала обиду мальчика, которая заронила в его душу. Он плакал недолго, после того как бабушка привела его домой. Но усевшись у окна, сурово надув губы, – он «обижался», и на весь мир эта обида распространялась.

Солнце, вдруг, скрылось за тучей, и тучи все больше и больше закрывали голубое небо. Они шли с Востока и вскоре принесли дождь. Во дворе все стало тусклым и темным, как вечером – трава выделялась темными пятнами, уже не казалась зеленой. Под быстро усиливающимся дождем пробежала и бабушка из хлева к крыльцу с ведром. Она подоила корову. А дождь зарядил так сильно, что за его струями, закрытыми пеленой весь вид за окном, не видно было огорода, потом, даже плетень можно было с трудом угадать за струями дождя: начался настоящий ливень! Мальчик даже чему-то обрадовался: «так и надо! Пусть! Так и надо!» – думал маленький мальчик, еще не понимая, кому и за что он мстит. Но он знал, что природа его услышала и отомсти-

ла за его обиду, – что он не погулял во дворе сегодня из-за случая с петухом, за то что ему было больно и обидно....

А природа, словно действительно в отместку кому-нибудь, зарядила продолжительным проливным дождем до самого вечера.

Когда мальчик с бабушкой попили чаю с печеньем перед сном, – на улице все еще шумели струи дождя. И когда мальчик уже укладывался спать, все еще шел дождь, шум его слышен был за окном, под которым стояла кровать мальчика. Под этот шелест дождевых струй мальчик и уснул. Проснулся мальчик тоже от шума воды за окном, – дождь не прекратился. Проливной ливень продолжался. Выглянув в окно, мальчик увидел, что по двору бежала вода – будто целая река текла по двору под ворота на улицу. Он быстро вскочил и перебежал к другому окну, выходящему на улицу: и там, он увидел потоки воды. Вода лилась огромной рекой по широкой улице от дома к дому, а струи ливневого дождя все добавляли и лили воду с небес! (Такой ливень продолжался три дня в 1967 году, но нигде в СМИ не упомянут, поэтому не могу сослаться, чтобы подтвердить факт). Три дня мальчик не мог выйти из дома, три дня лил дождь с Неба огромными потоками. Многие дома в селе затопило, – те, что стояли ближе к реке. Это ужасно. Невольно подумалось о Всемирном потопе, про потоп они с бабушкой читали в Библии. И бабушка говорила ему и читала, а мальчик переживал это событие истории, почти видимым образом, ощущал

в душе, что всё так и было. Был Ной, которому Бог предупредил, и был ливень, и вода лилась с Небес.

По улице текла уже глубокая река, мальчик мог это видеть наглядно – вода лилась ото всюду, их двор был затоплен, и они сидели запертые в доме с бабушкой, как Ной в том Ковчеге....

Потом дождь кончился. Но впечатления от него остались в душе мальчика надолго. И уже никто не мог его разубедить, что Потопа не было. Что История Библейская – это миф! Вера Святому Писанию запала в подсознание мальчика в том раннем детстве! И в школе, как бы не учили они по биологии теорию Дарвина и эволюцию, мальчик знал и верил, что есть Бог и мир весь: и траву, и животных, и человека сотворил Бог!

Сама природа дала эту веру мальчику, своим совпадением событий.

Конец рассказа.

Дополнения от автора.

В 6 лет мальчик выучил наизусть молитву «Отче наш...», и под прочтение бабушки он знал все события истории из Священного писания. В школе его не приняли в «октябрюта» даже, потому что он всегда молился и ходил с бабушкой в Церковь по воскресеньям.... Потом молитвы свои он скрывал от ребят, но его не приняли и в «пионеры» и был он в школе некоторым «изгоем». У него были другие интересы,

читал он другие книжки – жития святых и прочие религиозные. Хотя учился в школе вроде неплохо, но Вера в Бога таилась в его душе...

Конец.

О Природе, и не только

Вступление.

Кажется, что человеку уже некуда развиваться. Но эволюция, открытая при Дарвине, не окончилась, а продолжается.

Возникает шестое чувство у человека. Оно не просто количественно добавляется к пяти остальным чувствам, – оно качественно обособлено и располагается над ними. Наше желание наслаждений улавливает материальную реальность через пять способов восприятия, соответствующих пяти органам чувств. Шестое чувство также включает в себя разнообразные виды восприятия, ощущения. Это есть переход от тьмы к свету: от чувства опустошенности и страха, от мук и страданий – к изобилию, уверенности, покою, вечному совершенству мира.

Особенно свойственно человеку возвращаться к древним своим чувствам, подсознательно сохранившимся, хотя и заглушенным развитием техники. Чувство природы врожденно нам, от грубого дикаря до самого образованного человека. Протivoестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь – все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству.

Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым красо-

там природы, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой месячной ночи. Но это еще не любовь к природе; это любовь к ландшафту, к декорациям, к призматическим преломлениям света.

Это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло поэтическое чувство: зато их любовь этим и заканчивается. Приведите их в таинственную прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучной высокой травой; поставьте их в тихую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег лесного сонного озера, обросшего камышами. Окружите их благовоением цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, голосами ночных птиц и насекомых, всей жизнью природного творения: для них тут не будет красот, они ничего не поймут!!!

Цитата: «Встречаются такие люди в городских наших джунглях, среди пыли асфальта и бетона, которая им привычнее. Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; рассматривая картинки, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы, подышать вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем...».

Вот в этом описании видится отражение сегодняшнего времени. Однако, это написано было еще в 19-ом веке, аж в 1847 году. Надо же! Нисколько не изменилось время, или стало даже хуже, чем было тогда. Увеличилось население, разрослись города, природа потеряла былую привлекательность, загрязнена окончательно. Но все-таки есть еще романтики и в наше сложное время: это большой отряд рыболовов любителей, которые еще любят природу естественной привязанностью первобытного человека. Они пишут в газеты своих объединений рассказы о своих рыбацких похождениях, не менее талантливо, как и пионеры 19века Аксаков, Паустовский и другие. Так Аксаков в 1847 опубликовал «Записки об ужении рыбы», но они в большинстве своем совсем не о рыбной ловле повествовали, а приближали человека к настоящему чувству природы. Он даже писал подстраховку, чтобы не быть осужденным от рыбацкого сословия:

«Все это вместе решило меня сделать первый опыт на русском языке. Охотников до ужения много на Руси, особенно в деревнях, и я уверен, что найду в них сочувствие. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не трактат об ужении, не натуральная история рыб. Моя книжка ни больше ни меньше, как простые записки страстного охотника: иногда поверхностные, иногда односторонние и всегда неполные относительно к обширности обоих предметов, сейчас мною названных».

И Аксаков также говорит о цели с какой он написал свою книгу в том же духе: «они могли бы доставить более удовольствия при чтении, чем пользы в применении к делу».

И еще, наверное главная мысль:

«Печатаю их для рыбаков по склонности (то есть любителей), для „охотников“, для которых слова удочка и ужение (рыбалка) – слова магические, сильно действующие на душу», «Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений – иногда уяснение какого-то темного чувства, не вполне прежде сознанного, – могут и должны быть приятны; во втором случае потому, что всякая опытность и наблюдение человека, страстно к чему-нибудь привязанного, могут быть полезны для людей, разделяющих его любовь к тому же предмету».

О нашем сложном мире (отступление).

Несмотря на все сложности нашего времени, человечество склоняется к тому, чтобы вернуться назад к старинным ощущениям, которые в подсознании отложились приятными воспоминаниями.

На первый взгляд кажется, что в настоящее время происходит возврат к религии, хотя вере предавались и раньше, до того как наука, промышленность и культура заняли соот-

ветствующие места в жизни человека. Вдруг, все стали верить в Бога. Однако в действительности речь идет о совершенно ином процессе. Всеобщая тяга к религии и массовое увлечение разного рода мистическими учениями и техниками проистекает не из искреннего внутреннего побуждения, а от безвыходности.

Человечество теряет надежду, что наука и технический прогресс улучшат его состояние и подсластят горечь жизни. Нынешнее приобщение к вере имеет целью повторно опробовать такой способ ухода от решения насущных проблем, переложить все на незримого Бога, на провидение. Ну кто из разумных верит искренне в Богов? Глупо думать, что, говоря халва-халва и жуя лимон, можно ощутить сладость во рту. Человечество знает, что все состоит из молекул и атомов, и выпив яд (цианистый калий) молитвою избежать смерти не удастся. Люди вновь убедятся – на сей раз окончательно и бесповоротно, – что в религии не отыщешь реальной пользы и действенного лекарства от нашего болезненного состояния. На самом деле религии отмирают, компрометируя себя бизнесом наживания денег за счет «верующих». Некоторым образом, религию подменяют теории и философские концепции, полагающие, что можно улучшить нашу жизнь, – совместив науку с религией: якобы от обрядов есть психологическая помощь. Нет сомнения, что и это предположение также окажется ошибочным.

Что происходит с нами на самом деле? Ведущие ученые

и известные философы вынуждены признать, что положение дел в мире стало угрожающим. Согласно их концепциям, человечество утратило контроль и способность понимать Цель, куда оно направляется. Остались буквально считанные годы для того, чтобы скорректировать направление развития, прежде чем бездействие заведет нас на край глубокой бездны. В противном случае, катастрофа захватит все сферы человеческого существования, – включая экологию (загрязнится и будет отравлена вся окружающая среда, вода, земля и воздух), социум (половина населения живет в бедности и голодает), экономику (нефть и другие ископаемые закончатся), культуру (нет законов регулирующих вседозволенность), воспитание (оглупление за счет недостатка знаний в школе детям) и науку (фундаментальные исследования не финансируются). Ученые приходят к мысли, что без раскрытия сути генерации материи, наука не сможет двигаться вперед, и на остаточное развитие в текущем режиме они отводят лишь несколько лет.

По словам ученых, человечество стоит перед кризисом, аналогов которому еще не было в истории человечества.

Кризисы случались и прежде, фактически они сопровождали человечество всю жизнь. однако кризисы захватывали лишь определенные области и сферы бытия. 1 Религия переживала и инквизицию, и охоту на ведьм и великие разделения, сектантство – до 50 конфессий только в одном христи-

анстве. 2 Культура видела периоды спада и разврата во времена Рима и во времена Средневековья. 3 Промышленность потрясалась своими революциями. 4 Наука имела перевороты – от земли на трех китах...

Когда рушилась одна сфера, на ее руинах расцветала другая. Новая идеология приходила на смену старой, и мир вступал в очередной, обновленный период развития

Однако, на сегодняшний день все виды деятельности человека в этом мире исчерпали себя абсолютным образом.

Дело обстоит таким образом, что все процессы современности подходят к окончательному итогу человеческого формирования и развития, длившегося на протяжении тысячелетий. Эгоистическое начало возросло неимоверно – вплоть до самоуничтожения.

Природа (возвращение к теме).

Чувство природы врожденно нам от грубого дикаря до самого образованного человека. Но многие знания заслоняют и заглушают для современников зов природы. Нам оставлены примеры отношения правильного ко всему живому в лице племен, еще находящихся в прямом общении с природой.

Есть такие Бушмены, живущие в африканской саванне. Их отношение к природе избирательное настолько, что нам следует поучиться такому. Берут они столько сколько нуж-

но на данный момент и не нарушают равновесия природного. Так же они относятся и друг к другу. «Все разнообразные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою» – писал и Аксаков. И он воспевал природу наряду с воспеванием рыболовства.

Выдержки из «Записок...» Аксакова могут увлечь всякого любящего природу человека.

Охота пуще неволи.

«...уженье, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью... Русская пословица говорит глубоко и верно, что охота пуще неволи. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презрением нападают, как на тихое, невинное ужение. Один называет его охотою празднолюбцев и лентяев; другой – забавою стариков и детей; третий – занятием слабоумных... Так говорят не только люди, которые, по несчастью, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не жилали в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах. Нет, так говорят сами охотники – только до других родов охоты...».

«Но, бог с ними! Деревня (вот что важно), не подмосковная, далекая деревня, – в ней только можно чувствовать пол-

ную, не оскорбленную людьми жизнь природы.

Деревня, – мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда (надо) бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений!»

Каково нынешнее «дворянство», так называемое, образовавшееся из «новых русских» путем незаконным? А эти слова Аксакова-дворянина могут сказать сейчас уже многие миллионеры от бизнеса. «История приходит на круги своя» – великие слова Великого Соломона премудрого.

«На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осока или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, – улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные свои права, вы услышите ее голос, заглушенный (было) на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу, рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость

к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений – эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души. Чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...».

Вот ведь как сказал барин 19го века. И что мы имеем – то же самое нарастает у нас. Происходит возврат к прошлому, через 70 лет «плена вавилонского» и 20 лет попытки возродится.

Как когда-то критиковал Аркадий Райкин: Грузин выговаривал студенту, намазывая икру на хлеб, что в советское время было «дефицит»: «вот, ты говоришь, что все везде будет, (коммунизм будет), а хорошо ли это будет?» – и так далее.

Вот и мы спросим себя: «бары» появились, купцы, то бишь, бизнесмены, – но кто скажет хорошо ли это будет, когда вместе с ними появились и нищие и батраки, даже «бурлаки на Волге», как с картины художника, уже есть, и нищих и бездомных много...?

Как и у Аксакова, мы делаем много отступлений от непосредственного повествования о природе и рыбалке. И словами Аксакова вернемся к теме:

«... Но я увлекся в сторону от своего предмета» – говорит Аксаков, – «Я хотел сказать несколько слов в защиту ужения и несколько слов в объяснение моих записок». (Такие объяс-

нения и нам сегодня бывают нужны, когда нас упрекают жены и прагматичные родственники и друзья за то, что мы занялись рыбалкой!) «Начнем сначала:» – говорит Аксаков, – «обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник (рыбак) необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен.

Раннее вставание, часто до утренней зари, перенесенье полдневного зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое внимание во время самого уженья. Приискиванье удобных мест, для чего иногда надо много их перепробовать, много исходить, много изъездить на лодке: все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые, не имея настоящей охоты к уженью, а просто не зная, куда себя деть, чем заняться, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато уженье (рыбалка), что и такие люди к нему прибегают?

Другое обвинение, будто уженье забава детская и стариковская – также неосновательно: никто в старости не делается настоящим охотником-рыболовом, если не был им с молодости. Конечно, дети почти всегда начинают с уженья, потому что другие охоты менее доступны их возрасту.... Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий вполне ногами, может удить, находя в этом отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно

из важных, драгоценных преимуществ ужения перед другими охотами.

Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных, или попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они (только) не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, что все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами, бывают также глупы?! Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей...». И далее Аксаков называет...

В век интернета, – сегодня, – мы можем прочесть пламенные строки в защиту рыбалки. И они тоже не менее романтично и талантливо все объяснят. И что такое рыбалка вообще и трудности, и прелести, какие ожидают рыболова. Есть в Блоге «Все о рыбалке» повествование Рыбалка с первого взгляда. Кратко приведем несколько строк:

«Некоторые рыбаки ловят легко, как дышат. Другие ловят формально, как большинство. Многие ловят как дети: мгновенный жгучий интерес к процессу сменяется заинтересованностью и быстро сходит на нет. Умение ровно ловить рыбу на протяжении длительного времени, наверное, можно назвать рыболовной выносливостью. Мастера рыбалки крайне выносливы, великолепно ловят, и в первые минуты, и спустя часы. У простых смертных ситуация выглядит несколько иначе...».

Возвращение к природе, к адекватному ее восприятию, к пониманию, что ли – через рыбалку, через любительское рыболовство, очень действенная и полезна вещь сегодняшнему человеку. Именно на рыбалку ходили в походы многие, воспитанные в Советское время, дети со своими родителями. Это не только было «модно», но подсознательно ощущалось людьми, что природа, река положительно воздействует на человека. Природа лечит, успокаивает нервную систему. Врачи советские предлагали летчикам и других ответственных профессий людям – ходить на рыбалку с удочкой. Факт. А многие наши писатели прославились своими рассказами про рыбалку и стали классиками: Аксаков, Паустовский, Тургенев и другие. Надо не забывать, а воспользоваться опытом, читать надо классиков!

Конец.

О схимнике (В погоне за счастьем).

Все хотят в Рай. Что одно и то же, что хотеть счастья. Различие составляет вера человека, приверженность к религии. Однако Счастье и Рай это не одно и то же. В краткой энциклопедии по христианству о Рае сказано: посмертное место воздаяния праведным душам, в противоположность аду. Рай, как правило, на небесах, но есть представление, что был Рай и на земле – Эдем, первоначальное место обитания человека.

Был богатый дворянин. Он бросил всё, все прелести мирских балов и развлечений – и ушел в монастырь совершать подвиг, чтобы достичь Райского счастья. В литературе было описано много таких историй: Лев Толстой, например, написал рассказ «Отец Сергей». Долгое подвижничество заканчивается всегда разочарованием – нет Рая и Счастье недостижимо вне жизни мирской.

«Жизнь – это сложная штука» – говорил и Остап Бендер, когда женился на мадам Грицацуевой, ради одного из 12-ти стульев – «Но, господа присяжные заседатели, эта сложная штука открывается просто, как ящик. Надо только уметь его открыть. Кто не может открыть, тот пропадает» – высказал Великий комбинатор. И рассказал он поучительную ис-

торию.

Итак. Блестящий гусар, граф, был героем аристократического Петербурга. Великолепный кавалерист и кутила не сходил с подмостков светской славы: и в газетной хронике, и на страницах иллюстрированных журналов появлялся его портрет с прилизанными височками. И внезапно он пропал, исчез. Жена его, графиня была безутешно расстроена, следы графа не находились.

Когда шум прессы и пересудов утих, из монастыря пришло письмо, все объяснившее. Граф принял монашество и посвящен был в схиму. Графиня стала принимать соборознования. Рождались новые слухи. Говорили, что это временное помешательство и что он вернется назад. Может быть граф сбежал от долгов, может всему виной был несчастный роман...

А на самом деле граф-гусар пошел в монастырь, чтобы постичь жизнь. Сразу же он принял на себя «великие подвиги» Он стал носить тяжелые вериги, изнуряя тело, но этого показалось мало. Он ходил ни на кого не глядя, но и тут недостатки. Тогда он уединился, чтобы размышлять все время о смысле жизни. Схимник удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу.

Подвиг графа-схимника наполнил обитель удивлением. Он ел только сухари, запас которых ему возобновляли раз в три месяца.

Так прошло двадцать лет. Окончилось все плачевно, по-

что так, как у Льва Толстого. Вышел граф из «затвора», но причина была не такая, как написал Толстой. А достали его клопы. И чем он только их не травил: и керосином и средствами типа «Клопин». Но в борьбе с клопами, которые кусали его по ночам и не давали спать и днем, провел тот схимник много времени. За это время монах заметил, что думать о смысле жизни он совершенно перестал, потому что круглые сутки занимался травлей клопов.

Вот тогда он понял, что ошибся.

Жизнь была прежней, – несмотря на двадцать лет попыток открыть её смысл, – она была такой же темной и загадочной!» – так заключает рассказ Остап Бендер.

Такая история не выдумка, как может показаться.

Был факт, конечно, не адекватный, так как мы не можем знать мыслей человека. Но в истории раскола, борьбы Никона патриарха со староверами, был случай:

Епифаний-монах, за проповеди свои был не раз бит и посажен в темницу. А потому что он не прекращал проповедовать своё «двуперстие» и говорил хулу на «щепотников», последователей Никонских реформ Церкви – ему отрубили язык. Рана зажила, но остался Епифаний немым естественно. Тогда он удалился в лес и построил себе землянку. Он молился иконе Божией Матери, боролся с бесами, которые приходили и досаждали ему. Но потом напали на него «мраши», муравьи видимо, да такие которые кусали его тело. То

не были муравьи, как думали переводчики со старорусского языка.

Монах Епифаний был казнен нашей православной инквизицией: его заживо сожгли в избе вместе с протопопом Аввакумом. Но он оставил письмо свое к старцам и святым отцам церкви, в котором описал свою духовную борьбу в лесной землянке. Как он только не боролся с «мурашами» этими, и водой горячей их поливал, и холодом вымораживал и жег. Но они кусали его везде и всюду. На молитве он стоял подолгу, на коленях, а «мраши» подкрались так, что укусили его за «тайные уды», как он сам написал. Ругаясь в борьбе, монах-Епифаний научился говорить. Нет худа без добра – говорит пословица. И вышел Епифаний снова проповедовать, ходя по селам и городам. За что и сожгли его. И сожгли многих и многих – наша Русская православная инквизиция была не хуже Западной католической.

Жизнь, конечно, «темна и загадочна». И уйти от мирской жизни и от её тревог никому не удавалось. Жить телом на земле, а душой на небесах оказывалось невозможно, разве только в «палате №6» – и то, Чехов показал, что и в дурдоме нельзя быть счастливым.

И литература о счастье, и история – свидетельствуют в высшей степени поучительно. Что не надо увлекаться мистикой и религией, чтобы не быть дураками из палаты №6.

Жизнь прекрасна: «И в темном зеленом лесу, ранней сухой осенью, свежий воздух наполнит грудь вышедшего

из землянки „отшельника“. Под ногами у него будет стоять высунувшееся из земли целое семейство белых грибов-толстобрюшек. Неведомая птаха, сидя на ветке, будет петь красивым голосом свою песенку...».

Конец.

Депрессия

Пояснение

Скажем красивую фразу: Предсказанное в свое время наступление «века меланхолии» – сегодня не представляется парадоксом, имеющим целью поразить воображение неискушенного читателя.

По данным ВОЗ, распространенность психических расстройств в виде депрессий, в развитых странах Европы и в США, составляет до 10% и более, против прежних в 1960-е годы, когда было 0,8% всего.

Достоверно известно, установлено, что заболеваемость депрессиями по всему миру приблизилось к 3% от всего населения. Это значит, что ежегодно около 100 миллионов жителей нашей планеты обнаруживают признаки депрессии и соответственно нуждаются в адекватной медицинской помощи.

И есть, определенно, много факторов способствующих росту и распространению клинического заболевания аффективного расстройства психики, к которому относится и депрессия.

Во первых происходит массовый процесс урбанизации населения. А в городах, от перенаселенности, происходят стрессогенные события.

Во вторых повышается средняя продолжительность жизни и стареющее население более подвержено стрессам.

В-третьих – происходит огромная миграция населения, а в связи с этим возникают социальные проблемы, тоже ведущие к нервным психическим расстройствам.

Депрессия – констатируется как неизбежность.

Депрессия, из медицины.

От латинского слова, означающего подавление, угнетение характеризуется паталогическое снижение настроения человека: депрессия.

Но среди признаков депрессии, как болезни, есть различные состояния души и сознания человека. И тоска, и тревога и ощущение греховности своей – всё это в медицине считается признаками депрессии.

Вот как медицина определяет «тоску»: это неопределённое диффузное (протопатическое) ощущение, чаще в форме непереносимого гнета в груди или эпигастрии (прекардиальная, надчревная тоска) с подавленностью, унынием, безнадежностью, отчаянием; носит характер психического страдания (душевная боль, мука).

Интересное определение дает медицина и слову «тревога»: это беспочвенное неопределённое волнение, предчувствие опасности, грозящей катастрофы с ощущением внутреннего напряжения, боязливого ожидания; осознается как беспредметное беспокойство.

К депрессии относят и «интеллектуальное и двигательное торможение»: это трудности сосредоточения и концентрации внимания; замедленность реакций, движений, инертность, утрата спонтанной активности (в том числе и при выполнении повседневных обязанностей).

И дается определение «греховности и ущерба»: это неотвязные размышления о собственной никчемности, порочности, с негативной переоценкой прошлого, настоящего, перспектив на будущее и представлениями об иллюзорности реально достигнутых успехов; обманчивости высокой репутации, несправедности пройденного жизненного пути, виновности даже в том, что ещё не совершено.

К симптомам депрессии медицина относит и другие чувства человека: как то и «апатия», «дисфория», «ангедония».

«Апатия» определяется как дефицит побуждений с утратой жизненного тонуса, вялостью, безразличием ко всему окружающему.

«Дисфория» – это мрачная угрюмость, брюзжание, сварливость с претензиями к окружающим.

«Ангедония» – это утрата чувства наслаждения, способности испытывать удовольствие, радоваться, сопровождающаяся сознанием внутренней неудовлетворенности, психического дискомфорта.

Медицина относит депрессию к области психического расстройства. То есть человек «впадающий в депрессию» – психически больной и его можно закрыть в психбольницу,

в дурдом! Нормально?

Вот как оказывались в дурдомах все, кто против власти или против социальной несправедливости.

Изо всех определений легко заметить, – что если ты хороший честный человек, переживаешь за своих близких предчувствуя беду, если ты верующий и каешься, осуждая свои грехи, – то, по этим правилам медицины – ты псих и место твое в дурдоме! Факт!

Властям нужны «роботы» -рабы, – чтобы были бесчувственные и радовались, когда радуются правители и переживали, когда переживают власти!

Примерно так.

Но. Это наше пресловутое «но», всегда возникает там, где кажется многое ясным, и все-таки кое-что нужно пояснить.

В общемедицинской сети диагнозы ставят пациентам уже новыми научными методами. Диагностика совершенствуется с использованием стандартизированных критериев, обеспечивающих унификацию клинической оценки изучаемой патологии. При этом на динамике статистических показателей сказывается углубление представлений о расстройствах депрессивного спектра заболеваний, принадлежащих к его «мягкому» полюсу и включающих стертые, атипичные формы – замаскированные, соматизированные депрессии, нередко соболезенные соматической патологии.

А депрессия, между тем, болезнь опасная для челове-

ка. Она влечет за собой ряд неблагоприятных последствий для человека, как медицинского, так и социального порядка. Во многих случаях наблюдается затяжное лечение с частыми рецидивами и, несмотря на сравнительно неглубокий уровень психопатологических проявлений, повышается риск самоубийств, нередко совершаемых в период депрессий. Депрессия серьезно влияет на качество жизни и адаптационные возможности пациента, поскольку приводит к снижению профессионального статуса с вынужденной сменой работы, ведет к распаду семьи и, наконец, к полной инвалидизации. Депрессия может провоцировать соматические заболевания: нередко ведет к развитию гипертонической болезни и других патологических изменений внутренних органов человека. В ряде кардиологических исследований показано, что депрессии являются самостоятельным фактором риска по ишемической болезни сердца и ассоциируются с тяжелым течением болезней: продолжительные приступы стенокардии, нарушение сердечного ритма, частотой коронарных катастроф и повышенной смертностью от коронарной болезни.

Влияние депрессий на степень нетрудоспособности отчетливо выступает при составлении показателей по инвалидизации.

Врачи общемедицинской практики, к которым в первую очередь попадают больные со стертыми аффективными расстройствами, считают, что депрессия типичная болезнь.

Психические нарушения недооцениваются и в тех случаях, когда депрессивная симптоматика может быть истолкована как психологически понятная и не представляющая заболевания. В такого рода «ловушки» врач может попасть, например, при депрессиях, расцениваемых как «житейская» реакция, и особенно при обследовании лиц пожилого возраста, у которых депрессивные расстройства интерпретируются как признак «естественной» усталости от жизни, как «адекватный» ответ на соматическое страдание.

Всё дело в том, что медицина получила большое развитие. А врачи продолжают руководствоваться устаревшими данными: о биологическом базисе, патогенезе, клинике и методах терапии депрессий. В общемедицинской практике за последние десятилетия многое претерпело весьма существенные изменения.

Есть новые подходы к диагностике и лечению такой распространенной болезни как депрессия.

Итак, на чем же основывается депрессия, что оказывает удручающее воздействие на человека так, что он заболевает.

(Нейробиологические основы). Важную роль в жизни человека играют Эмоции. На эмоциях человек производит оценку внешних факторов жизни.

1 При благоприятных условиях, когда человеку тепло, когда он сытый и отдыхает, загорая на пляже, например, – эмоции ведут и внутреннюю регуляцию всех органов, которые расслабляются и чувствует себя человек хорошо.

2 И, наоборот, когда холод и непогода: дождь злой хлещет или зимой метель метет, а он еще голодный и ему негде голову преклонить... – человек и эмоции свои не может контролировать.

Это всё связано с функциями нашего мозга, который приказывает железам вегетативной системы вырабатывать определенные гормоны, которые, в свою очередь, регулируют деятельность всех органов: сердца, что в минуту опасности бьется сильнее от полученного адреналина, легких, когда человеку хорошо и вольготно и дышать становится легче.

При депрессиях же, как уже исследовано методами нейроморфологии и нейровизуализации, повреждается сам мозг человека: происходит расширение боковых желудочков мозга человека, что можно интерпретировать, как атрофию гиппокампа. Проверено на животных, – у них в ситуации хронического стресса развивается атрофия дендритов пирамидальных клеток поля гиппокампа. И показано, что предшествующее стрессорному воздействию введение одного из антидепрессантов – тианептина предотвращает атрофию дендритов.

Есть значит средства, которые могут помочь и предотвратить переход депрессии в хроническую стадию.

Во время депрессии бывает нарушение жизненного цикла: сон – бодрствование, и замечено, что за это отвечают другие части мозга в ретикулярной формации ствола, и моста и среднего мозга. И на эти клетки может воздействовать дру-

гой препарат найденный медициной.

Есть таблетки – антидепрессанты, но вопрос в том и состоит, чтобы врач определил – какие таблетки нужны данному человеку в данной ситуации или стадии депрессии.

С депрессией не всё так просто.

Несмотря на впечатляющие успехи клеточной и молекулярной нейробиологии, которые привели к созданию целого ряда высоко-специфичных психотропных препаратов новых поколений, – все-таки сложно представить весь процесс самой болезни: каким образом тонкие изменения нейрохимических процессов на уровне нейронов могут вызвать нарушения психического состояния и поведения человека.

Согласно представлениям нейрофизиологов о структуре и функции нервных сетей мозга, осуществляющих обработку информации, – основную организующую роль в интегративной деятельности мозга играют процессы торможения:

Тут и взаимодействие правого и левого полушарий головного мозга,

И корково-подкорковые взаимоотношения в мозгу,

И различение, анализ и синтез внешних и внутренних раздражителей, выделение полезного сигнала на фоне шумов,

Пространственное и временное констатирование.

Все функции, в той или иной мере, во время депрессии могут нарушаться и нарушаются.

В то же время основные нарушения выявленные при де-

прессии, в первую очередь относятся к системам серотонина и норадреналина.

Норадреналин чаще оказывает возбуждающее действие, а серотонин – как возбуждающее, так и тормозящее действие в разных отделах головного мозга. Кроме того оба нейротрансмиттера влияют на интегративные функции центральных нейронов – снижают их реактивность к слабым и тормозным воздействиям и усиливают ответы на сильные возбуждающие сигналы, – усиливается отношение сигнал/шум в нервной сети.

Простым языком объяснить: это значит, что больные депрессией не реагируют и не отзываются на тихий разговор, зато шум: стук падения предметов может привести больных к неоправданным страхам и раздражениям.

Одна из теорий патогенеза, протекания болезни депрессии, аффективного расстройства, подчеркивает значение нарушений биологических ритмов человека, что проявляется в изменениях многих физических функций организма человека.

Общеизвестно, что при депрессиях возникают нарушения сна, которые проявляются в трудности засыпания, в неглубоком ночном сне, раннем пробуждении по утрам. В то же время в утренние и дневные часы больные испытывают ощущения сонливости, вялости, разбитости, снижения работоспособности. Это свидетельствует, теоретически, о снижении активности серотонинергической системы, ответствен-

ной за медленноволновые фазы сна, при сохранении или усилении функции норадренергической системы, управляющей фазой «быстрого» сна.

Снижение общей длительности структуры сна – это не только феномен депрессии, но он может играть важную роль в протекании болезни депрессии. У здоровых людей тоже появляются депрессивные симптомы и бывают нарушения периодичности сна связанные, например, с работой в ночные смены или с перелетами между часовыми поясами. Но тут полное восстановление наступает после 40 часов в отдельных случаях, устраняя все симптомы.

Нарушения биоритмов при депрессии касаются не только цикла – сон-бодрствование. У больных депрессией нарушаются присущие норме суточные градиенты колебаний артериального давления и температуры тела, а также ритмическая структура выделения ряда гормонов, не только мелатонина, как во сне; изменяется частотный спектр ЭЭГ (электроэнцефалограммы), что соответствует тяжелому состоянию и головным болям.

Так что лечение больных с депрессией требует серьезного подхода и серьезного отношения к исследованию состояния всего организма.

Лечение депрессий – сложный процесс, основные этапы которого: выбор психотропного средства и определение длительности его применения; смена препарата, переход к комбинированной терапии и другие определяются установлени-

ем клинических факторов. Наиболее существенные из них:

Тяжесть аффективных расстройств,

Психопатологическая характеристика (преобладание явлений позитивной, либо негативной аффективности),

Ассоциация в структуре болезни других психопатологических расстройств,

Динамика проявлений, связанная с применением психотропных средств – обратное развитие симптоматики (частичная или полная ремиссия, неизменность проявлений, ухудшение состояния),

Толерантность к психотропным средствам (высокая – низкая),

Явления токсичности,

Побочные эффекты и осложнения,

Явления лекарственной зависимости.

При тяжелых депрессиях препаратами выбора являются тимоанальгетики трициклической и/или гетероциклической структуры, то есть депрессанты второго ряда. Такая предпочтительность дает возможность проведения интенсивной терапии путем внутримышечного и/или капельного внутривенного введения психотропных средств. При этом нередко наряду с антидепрессантами используются и психотропные средства других классов. Как правило, терапия тяжелых депрессий проводится в условиях специализированных психоневрологических учреждений.

В заключение необходимо подчеркнуть, что при взаимо-

действии в рамках модели интегративной медицины психиатру и интернисту отводятся разные роли. Вердикт группы экспертов ВОЗ (1973) гласит: «Критическим вопросом является не то, как врач общей терапии сможет вписаться в службу психического здоровья, а то, как психиатр сможет наладить эффективное сотрудничество со структурами первичной помощи и усилить роль врача-интерниста, выступающего в качестве члена команды психического здоровья».

Для этого в первую очередь необходимо повышение знаний врачей общемедицинской сети. Весьма актуальны – разработка специальных программ по конкретным проблемам психосоматической патологии, издание соответствующей методической литературы, проведение тематических конференций и семинаров, организация курсов повышения квалификации.

Конец.

Кто видит цветные сны и почему?

Среди учёных нет единого мнения.

О том, что они видят сны в цвете, чаще всего говорят представители творческих профессий, в первую очередь, художники и музыканты. Некоторые живописцы и не скрывают, что образы своих картин они первоначально увидели во сне. Исследователи утверждают, что красочные сновидения свойственны эмоциональным людям, а также левшам. Установлено, что за яркость снов, их образность и «фантазийность» отвечает правое полушарие мозга. Оно-то как раз и развито лучше у левшей.

Представительницы прекрасной половины, которые более эмоциональны, чем мужчины, примерно в полтора раза чаще рассказывают о своих цветных снах по сравнению с сильным полом.

Если обратить внимание на различные возрастные группы, то просматривается ярко выраженная тенденция, указывающая на то, что с возрастом людям цветные сны снятся реже. Некоторые ученые напрямую увязывают краски сновидений с цветным телевидением и цветным кино. Эти специалисты утверждают, что пожилые люди видят преимущественно черно-белые сны, потому что в их детстве и юности были черно-белое ТВ и черно-белый кинематограф (впро-

чем, их противники приводят в качестве контраргумента то, что исследования черно-белых снов начались куда раньше, чем возникли телевизоры и даже кинотеатры). Такое утверждение позволяет высказать предположение, что нынешние дети и молодежь, родившиеся в век цветных телевидения, кино и мониторов, когда достигнут преклонного возраста, будут видеть цветные сны гораздо чаще своих родителей, бабушек и дедушек.

Исследователи указывают на зависимость сновидений от настроения человека в течение дня. Если вы грустите, находитесь в подавленном состоянии, если день не задался и выдался тяжелым, то вряд ли вы увидите ночью сон в цвете. А вот радостные события, случившиеся в течение дня, и хорошее настроение становятся залогом цветных сновидений. В то же время, важно отметить, что не все цветные сны приятны по своему содержанию. Данные исследований свидетельствуют о том, что кошмарам чаще приписывают цветность, чем другим снам. В свою очередь, черно-белый сон может быть приятным и позитивным.

Почему нам снятся цветные или черно-белые сны?

А теперь вернемся к противостояниям ученых. Некоторые современные специалисты утверждают, будто черно-белых снов вообще не существует. Все люди видят цветные

сны, просто, многие не могут запомнить цвета, увиденные ночью (также как некоторые не могут запомнить сюжет, детали или весь сон), поэтому, пытаясь описать увиденное, говорят о черно-белых тонах. Кто-то видит сны в неярких, приглушенных красках и, проснувшись, не может вспомнить цветовую гамму. Другие же ученые говорят, что мы все видим черно-белые сны, но так как мир вокруг нас цветной, то, просыпаясь, мы будто «переносим» сон в реальность.

И так как ученые, так и не пришли к единому мнению, мы дадим свой ответ на вопрос, цветные сны или черно-белые. И по нашему мнению, и тот и другой варианты ответа правильный. Сны могут быть и черно-белые (для тех, кто верит и знает, что такие бывают), и цветными. Иными словами, вам снятся именно такие сны, какими вы хотите (по крайней мере на бессознательном уровне) и/или привыкли их видеть.

Если вам не нравится черно-белая гамма и вы хотите наслаждаться яркими красками своих снов, видеть ночные образы в цвете, то попробуйте последовать нескольким несложным советам. Какой бы ни была причина, почему некоторые люди видят черно-белые сны, а некоторые нет, эти шаги наверняка смогут помочь и вам ощутить полноту палитры. Развивайте правое полушарие мозга. Для этого постарайтесь больше задействовать левую руку: пишите ею несколько фраз в день, держите в ней ложку во время обеда (кстати, то же правило работает и для нейробики). Учи-

тесь радоваться жизни, наслаждаться каждым днем. Стремитесь быть позитивным человеком. Старайтесь получать новые впечатления, ведите более или менее активный образ жизни и спите достаточное для вас количество часов (существует версия, что уставший мозг выдает более тусклые и нечеткие сны). Со временем вы наверняка заметите, что сны ваши станут цветными и яркими.

Конец.

За письменным столом. Темперамент

Темперамент.

Некоторые люди, бывает, часто раздражаются, «психуют», а другого человека – невозможно вывести из себя. Одни легко переносят невзгоды и неудачи, а другие – расстраиваются из-за каждой маленькой мелочи: просыпалась случайно соль – «ой! По приметам, быть ссоре, ой-ёй-ёй!».

Особенно заметно проявление темперамента человека во время принятия решений или исполнения важного дела.

Сидя за письменным столом мне вспоминаются дни моего студенчества. Во время сдачи экзаменов-зачетов профессорам по разным предметам видно было, среди моих товарищей, – кто из них флегматик, покорно несущий «свой крест», терпеливо и не торгуясь с профессорами. «Торговались» и ходили на пересдачу зачетов к профессорам даже на дом только сангвиники: натуры широкие, которым неудача на экзаменах портит аппетит и мешает посещать дискотеки испортив настроение. К флегматикам профессора относились благосклоннее, а сангвиников гоняли на пересдачу не раз и не два до конца года.

Кстати. Все эти названия дали темпераментам по учению Гиппократу, ещё 2 тысячи лет назад он объяснял эти особен-

ности поведения человека преобладанием в организме одного из «жизненных соков».

По Гиппократу – преобладание желтой желчи, «холе», делает человека импульсивным, «горячим». А человек становится спокойным и медлительным из-за наличия большого количества в его организме лимфы – «флегмы». Если же в организме преобладает кровь – по-гречески «сангвис», человек бывает подвижен и весел. Грусть и страх в человеке порождает черная желчь – «мелайна холе».

Вот, по названию четырех «жизненных соков» Гиппократа впоследствии были названы четыре типа темперамента человека: холерик, флегматик, меланхолик, сангвиник.

И так различали многие врачи и философы, вплоть до начала 20-го века поддерживая и разделяя выдвинутую Гиппократом «жидкостную» теорию темперамента.

Принципиально новый взгляд на темперамент высказал Павлов И. П., который с собаками экспериментировал. Он пришел к выводу, что тип темперамента зависит от особенностей функционирования нервной системы, а также от скорости, от силы. Уравновешенности и подвижности процессов возбуждения и торможения в нервной системе.

Согласно теории Павлова: у холерика – сильный тип нервной системы, но основные нервные процессы неуравновешены, возбуждение преобладает над торможением; у флегматика – сильные, уравновешенные, но малоподвижные нервные процессы; сангвиник – сильный, уравновешенный, но в от-

личие от флегматика подвижный тип; слабый тип нервной системы, со слабыми процессами возбуждения и торможения соответствует – меланхолику.

Темперамент считают из числа личностных качеств, а личность формируется в процессе становления человека, и темперамент можно сформировать. Однако, строго говоря, это и врожденное и неизменное свойство человеческой психики. Темперамент дается с рождения и можно его только чуть подправить воспитанием в ребенке. Темперамент проявляется вскоре после рождения и сохраняется на всю жизнь: если уж медленный человек, таким он и будет, если порывистый, резкий таким «горячим» он и вырастет.

«Хорошего» или «плохого» темперамента не существует, у каждого типа есть свои достоинства и недостатки.

Может кто-то мало знаком с характеристиками:

Холерики – это вспыльчивые люди, раздражительные, невыдержанные, зато они могут страстно отдаваться какому-нибудь делу. Быстро мобилизоваться для решения проблемы и работу свою они стараются выполнить быстро. Им не занимать смелости и решимости.

Флегматики – невозмутимые люди. Медлительные, и им трудно быстро принимать решения. Многолюдные собрания их утомляют. Они терпеть не могут делать что-либо впопыхах. Зато – люди с этим типом темперамента обладают большой работоспособностью, умеют они рассчитывать свои силы, всегда выполняют работу до конца и не теряют голову

в трудных ситуациях.

Сангвиники – это весельчаки, шутники, «легкие» люди. Они активно начинают противостоять трудностям, но не всегда выдерживают все до конца. Им свойственно приспосабливаться к меняющимся условиям. Однако сангвиники не способны к кропотливой длительной работе – они быстро увлекаются и быстро теряют интерес.

Меланхоликам свойственно глубоко переживать неприятности, всякую смену обстановки. Они легко впадают в уныние, и испытывают трудности в общении. Эти люди нерешительны, подвержены страхам и панике. Но высокая чувствительность, как раз позволяет им тоньше воспринимать окружающую действительность, предсказывать даже беды и события. Среди меланхоликов бывает много творческих людей – поэтов, художников, музыкантов.

Люди все – неоднозначны настолько, чтобы представлять один и тот же вид психотипа. В чистом виде темпераменты встречаются крайне редко. Большинство людей в разных ситуациях обнаруживают черты разных типов темперамента. А примеры «чистых» темпераментов можно встретить в литературе: как Пьеро в известной сказке – это типичный меланхолик, Буратино – сангвиник, Карабас-Барабас – холерик, Тортилла – флегматик. И Дюма в своем романе «Три мушкетера» описал все четыре типа темперамента на примере главных героев. У него – вспыльчивый Д'Артаньян – холерик, спокойный Арамис – флегматик, весёлый Портос –

сангвиник, а не улыбочивый Атос – меланхолик.

Я вспоминаю моего друга сангвиника. Как-то раз мы вошли в кабинет профессора, чтобы пересдать зачет. Мой друг первым подошел к столу, за которым сидел профессор, а я смотрел на это со стороны. Так как остался стоять у дверей длинного кабинета, чтобы не мешать: с этой стороны стола стоял один стул для проходящего.

– Садитесь – говорит профессор моему другу «Ивану». – Что скажете? —

– Извините. Профессор – начинает Иван, заикаясь и не глядя профессору в глаза. Взгляд его был устремлен в пол и голова чуть виновато наклонена вперед, – Я у вас уже пять раз был и... и все пять раз срезался. Прошу вас, будьте добры, поставьте мне троечку, потому что.... —

Аргументы, которые все «лентяи» (по мнению профессоров) приводят в свою защиту, всегда одни и те же: будто бы они прекрасно сдали зачеты по всем предметам и срезаются только на этом. И будто это тем более удивительно, что они по этому предмету именно занимались всегда усердно, посещали все лекции и знают предмет прекрасно, а срезаются же они благодаря какому-то непонятному недоразумению.

Профессор знает, что всё это не так: и на лекциях студент-лентяй не всегда бывал и предмет он знает опосредованно....

– Извините, друг мой, – говорит профессор Ивану, по-

ставить вам удовлетворительно я не могу. Чтобы не портить зачетку плохой отметкой – пойдите, почитайте конспекты лекций у своих товарищей. Кто посещает действительно все лекции, и приходите в другой раз. Тогда посмотрим. —

Возникает пауза. Иван замер, не решаясь брать со стола отодвинутую профессором от себя на край стола зачетку. Профессору приходит охота помучить студента за то, что он любит пиво и дискотеки больше, чем науку, и он говорит со вздохом:

– По-моему, самое лучшее, что вы можете теперь сделать, – это совсем оставить факультет. Если при ваших «способностях» вам никак не удастся выдержать экзамен по основному предмету, то, очевидно, у вас нет ни желания, ни призвания к науке...

Лицо сангвиника Ивана вытягивается в непонятном удивлении.

– Простите профессор, – усмехается он, – но это было бы с моей стороны, как-то странно. Прочиться пять лет, и вдруг... уйти! —

– Ну да! – профессор в восторженном тоне... – Лучше потерять даром пять лет, чем потом всю жизнь заниматься делом, которое не любишь —

Но тотчас же профессору становится будто жаль студента, и он спешит сказать:

– Впрочем, как знаете. И так, почитайте еще немножко и приходите. —

– Когда? – глухо спрашивает Иван.

– Когда хотите. Хоть завтра. —

Я начинаю подходить раньше того, как Иван уже встал с зачёткой в руках и слушает последние слова профессора. И мне виден взгляд профессора: в его глазах, смотрящих ещё на Ивана, читается: «Прийти-то можно хоть завтра; но ведь ты, скотина, ничего не выучишь!». Короткое молчание прерывает сангвиник Иван. Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, и лицо благодушное, несколько помятое от частого употребления пива. – Профессор! Даю вам честное слово, что если вы мне поставите удовлетворительно, то я... – но тут, как только дело дошло до «честного слова», профессор замахал обеими руками, и Иван замолк на полуслове. Он стоял думал еще с минуту и сказал уныло:

– В таком случае прощайте... Извините. —

– Прощай, мой друг. И здравствуйте, молодой человек! – уже ко мне обратился профессор – Садитесь. —

Через минут 20 – 25 я вышел от профессора, в моей зачетке красовалась четверка. А подзадержался я тогда с зачетом из-за болезни. Иван-сангвиник ожидал меня в коридоре. Он посмотрел на мою зачётку, опять долго думал (полторы минуты, примерно); ничего не придумав, кроме «старый черт» в адрес профессора, – он пригласил меня в ближайшую пивную, где мы пили пиво и обедали. Свою тройку Иван таки получил через неделю и был так обрадован, что пригласил

НА ПИВО НЕ МЕНЯ ОДНОГО...

Конец.

О книгах и поэзии

Книги как корабли мыслей, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению.

Немного о красоте.

Молодые люди плохо знают, что такое красота: им знакома только страсть, как инстинкт заложенная природой.

Чувство прекрасного – это нечто такое. Что принадлежит вкусу и вкусы воспитываются годами детства, годами взросления, – поэтому и понятия красоты разные у разных народов, также, как разнятся вкусы пищевые, – китайцам и полинезийцам нравится перец и все острые блюда, а для европейца – перец сжигает ротовую полость.

Даже прекраснейшая из обезьян безобразна для людей.

Другое дело красота природы. Красота природы не нуждается в дополнительных украшениях – больше всего природу красит отсутствие украшений, она прекрасна сама по себе.

Красота телесных форм всегда совпадает с понятием о здоровой силе, о деятельности жизненных энергий. Очарование – это всегда красота в движении.

Идеальная красота, самая восхитительная наружность – ничего не стоят, если ими никто не восхищается. Идеал – выступает, как кульминационный пункт логики, подобно то-

му, – как красота есть не что иное, как вершина истины. Так сказал один философ.

Высота чувств находится в прямом отношении с глубиной мысли. Сердце и ум – это два конечных баланса. Опустите ум в глубину познания – и вы поднимете сердце до небес.

Красота в любви – это открытое рекомендательное письмо. Заранее завоевывающее сердце.

Но иногда. Голос красоты звучит тихо: он проникает только в самые чуткие уши. В сердце того, кто страстно стремится к красоте, она сияет ярче, чем в глазах её созерцающего.

Обрывая лепестки цветка, ты не приобретешь его красоты. Уж таков её обычай: красота всегда права.

Всегда надменна красота.

Да. Но жесткость – некрасива.

Этот мир – мир диких бурь, укрощается музыкой красоты.

Поэзия.

Красота – родник поэзии. Красивые выражения украшают красивую мысль и её сохраняют.

Поэзия есть игра чувств, в которую рассудок вносит систему, и наоборот, красноречие – дело рассудка, который оживляется чувством.

Поэты пишут глазами любви, и только глазами любви следует их судить.

У многих людей сочинение стихов – это болезнь роста

ума. Молодые поэты льют много воды в свои чернила. Другие поэты похожи на медведей. Которые постоянно сосут собственную лапу, не могут вылезти из своей берлоги.

Одного вдохновения для поэта недостаточно – требуется вдохновение развитого ума. Поэтическое произведение должно само себя оправдывать. Ибо там, где не говорит само действие, вряд ли поможет слово.

Один из больших политиков замечательно выразил суть воспитания: «Я был вскормлен законами, и это дало мне представление о темной стороне человечества. Тогда я стал читать поэзию, чтобы сгладить это впечатление и ознакомиться с его светлой стороной». (Томас Джефферсон).

Отсюда можно сделать заключение – законы нам показывают только грязную сторону. А поэзия красоту нашего мира.

Не продается вдохновенье.
Но можно рукопись продать.
Не тот поэт —
Кто рифмы плесть умеет.

От того же Пушкина узнаем.

В литературном мире нет смерти, и мертвые также вмешиваются в наши дела и действуют вместе с нами, как живые. Книги, слова живших давно людей передают нам и чувства, и знания.

«Искусство стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего в человеке. Если выставишь всю дрянь. Какая ни есть в человеке, и выставишь её таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? «Спрашиваю: разве это не похвала добру?» – говорил об искусстве Гоголь, Николай Васильевич.

Поэты берутся не откуда-нибудь из-за морей-океанов, но исходят из своего народа (как Есенин). Это как огни, вылетевшие из костра искорки, передовые вестники силы народной.

«Поэзия есть высший род искусства», – вообще, считал Белинский.

Тургенев же отразил понимание поэзии более полно: «Не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия».

В прозе мы остаемся на твердой земле, а в поэзии должны подниматься на неизмеримые высоты, – признавал и Бальзак, – Есть поэты которые чувствуют, и поэты, которые выражают.

Всё что говорил Бальзак о литературе относится и к поэзии:

«Писатель (и поэт) существует только тогда, когда твер-

ды его убеждения. Улучшать нравы своего времени – вот цель, к которой должен стремиться каждый писатель, если он не хочет быть только «увеселителем публики». И это правильное мнение, по-моему.

Конец.

Об опыте и мастерстве (Из цитатника).

Искусство ассоциируется с мастерством, а мастерство приходит с опытом, с каждодневными упражнениями в мастерстве.

«Неотёсанный чурбан» не бывает на стороне мастерства, он всегда против него, и, как раз основы основ, азы, придающие самую первую форму, кажутся ему особенно ненужными, противоестественными: «к чему мне учить геометрию, эти Пифагоровы штаны, которые во все стороны равны!» – думает учащийся на плотника. А вот в деле, в постройке дома, всё оказывается нужным: как стропила крыши рассчитать, к примеру, – тут и катеты, и гипотенузы... и так далее.

Решающую роль в работе играет не всегда материал, но всегда мастер и его мастерство.

Опыт, во всяком случае, берёт большую плату за обучение: и время отнимает, иногда и травмы причиняет, – но учит опыт лучше всех учителей.

А любые знания сокращают нам негативный опыт быстротекущей жизни. Тот больше узнаёт, кто больше пострадал.

Об опыте поговорка имеется: «Осёл, знающий дорогу, стоит большего, чем прорицатель, гадающий наугад».

Приобретение знаний, приобретение опыта – это школа, в которой уроки, хоть и стоят дорого, и требуют больших усилий, но это – единственная школа, в которой можно прочно научиться на всю жизнь. Ещё Ломоносов говорил: «один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рождённых только воображением».

Один из философов, друг Канта, Иоганн Фихте высказал об опыте: «Разумное существо не имеет ничего вне опыта; опыт содержит в себе весь материал его мышления. Истинному и действительному времени принадлежит лишь то, что становится принципом, необходимым основанием и причиною новых, не существовавших до того явлений во времени. Лишь в этом случае возникает живая жизнь, порождающая из себя другую жизнь».

Философы философствуют, а мы черпаем материал из истории человечества, – на основе опыта образуется самая живая часть нашего практического ума.

«Прежде чем приступить к возведению дворца вселенной, сколько нужно ещё добыть материала из рудников опыта» – говорил другой учёный.

Воспитание человека начинается с его рождения, и всё познаёт человек опытным путём; – он ещё не говорит, ещё не слушает, но уже учится: берет игрушки и предметы рука-

ми, пробует их на вкус как... Опыт предшествует обучению, как таковому.

Знания, не рождённые опытом, матерью всякой достоверности, бывают бесплодны и полны ошибок. Как говорил Леонардо да Винчи: «Жалок тот мастер, произведение которого опережает его суждение; тот мастер продвигается к совершенству искусства, произведения которого превзойдены суждением».

Вот тебе два дела, – сделай хоть одно из них,
Коль прославится делами хочешь пред людьми:
Или то, что сам ты знаешь, передай другим,
Или то, чего не знаешь, от других возьми!

Говорил Поэт Али Энвери, современник Саади, который тоже стихотворно провозгласил:

Кто, опыт отринув, делами вершит —
В грядущем немало увидит обид.

К тому же вспомнить можно совсем уж древнего – Тацит, учёный древнеримский: «Из упражнений рождается мастерство», – сказал.

И старость крепка бывает благодаря основам, заложенным в молодости.

Лаоцзы умнейший из Китая с древности учил: «Кто, пред-

принимая дело, спешит наскоро достичь результата, тот ничего не сделает. Кто осторожно оканчивает своё дело, как осторожно начал, тот не потерпит неудачи».

А Сюньцзы, последователь Конфуция, подробно объясняет:

«Земляной червь не имеет острых когтей и клыков, у него нет крепких мышц и костей, и всё же на поверхности он питается пылью, а под землёй – пьёт подземную воду. Это происходит потому, что он весь – старание! Краб имеет восемь ног и две клешни, однако он поселяется в уже готовых ходах, сделанных змеями и угрями, – другого пристанища у него нет. Это происходит потому, что краб нетерпелив. Поэтому тот, кто не имеет глубоко скрытых желаний, не сможет обладать блестящей мудростью; тот, кто не отдаётся целиком делу, не будет иметь блестящих успехов».

Учиться надо у древних, они делятся с нами своим опытом жизни!

Конец.

Литература – поэзия

Одно художественное произведение нравится лишь при первом просмотре, другое же – и при десятом прочтении хорошо.

Поэзия бесспорное торжество, но есть поэт поэту рознь, – и поэту посредственных строчек ввек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки. Поэты (должны) желают быть или полезными, или приятными.

Не главное, но всё же: овладей предметом, а слова найдутся сами.

«О Постум! Льются и скользят года!
Какой молитвой мы отдадим приход
Морщин, и старости грядущей,
И неотступной от конечных – смерти?»

Однажды выпущенное слово улетает от поэта безвозвратно.

Писатели (!) – выбирайте материал, доступный вашим силам, и долго обдумывайте: что могут и чего не могут вынести ваши плечи.

Поэзия – она как живопись: иное произведение пленит тебя больше, если ты будешь его рассматривать вблизи, а иное – если отойдешь подальше от него.

Стараясь быть кратким, – есть опасность, не делаешься ли ты непонятым?» —

Примерно так рассуждал древний грек Гораций – Квинт Гораций Флакк (родившийся до нашей эры в 65 году), входивший в один кружок с Вергилием. Другим поэтом Рима.

— — — — —

Стихи удаются, если поэт создает их при душевной ясности.

Где жизнь течет, кипит страстями, – там и рождается поэзия. Иногда, негодование делает поэтом человека.

Поэзия – живопись говорящая. Поэт всегда простак хотящий выразить себя словами.

Природа начинает жизнь, искусство направляет. А практик и дело завершает весь процесс.

Весь мир – театр, мы все актеры поневоле,
Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашей игрой!

Господний мир – театр.
В него бесплатный вход,
И купола навис вверху
Небесный свод.

Пьер де Ронсар (1524 г. Франция).

Не всякий, кто рифмовать умеет и пишет сам стихи – является поэтом по призванию.

Любой сумеет править кораблём,
Когда на море штиль. Но тот, кто хочет
Командовать им в плаванье опасном,
Обязан знать, какие паруса
В погожий день, какие – в бурю ставить.

Нельзя нам поддаваться, вынося
Сужденье о делах больших и сложных,
Вражде и жалости, любви и гневу.
Дух постигает истину с трудом
Там, где её затмили эти чувства.

Признак строгого и сжатого стиля состоит в том, что вы не можете выбросить ничего из произведения без вреда для него.

И надо помнить: язык – это самое опасное оружие, ибо рана от меча легче залечивается, чем от слова ранящего.

Литература и поэзия – это разговор, беседа. Владеть искусством беседы важно, ибо в беседе сказывается личность. Ни одно из занятий человеческих не требует большего благоразумия, хотя в жизни нет ничего обычной, – тут можно и всё потерять, и всё выиграть. Чтобы письмо написать – а письмо та же беседа, только обдуманная и записанная, – надобно размышление, – отсюда, – насколько же больше требуется его для беседы обычной. Мгновенного экзамена ума!

Люди опытные – по языку узнают пульс духа человека с ними беседующего. Недаром мудрец сказал: «говори, коль хочешь, чтобы я узнал тебя». Некоторые полагают высшим искусством беседы полную безыскусственность – чтоб беседа была подобно платью, нестеснительна. Но это годится лишь между близкими друзьями, а беседа с человеком почитаемым должна быть сдержанной, являть свое содержание.

Природу трудно изменить,
Но жизнь изменчива, как море.
Сегодня – радость, завтра – горе,
И то и дело рвется нить.

Порыв рождается душой,
Осуществленье – грудью смелой,
Отвага – внутренней силой,
Гордыня – тайным размышленьем.

Решимость рождена желаньем тайным,
Одушевление – верой и надеждой,
Неколебимость – мощью духа,
Непримиримость – раздраженьем.
Общительность рождается благоразумьем,
Бесстрашие – высокомерьем,
Великодушие – из благородства,
Влюбленность – прелестью и красотой.

Благожелательность исходит из радушия.

Отчаянье – исходит от самозабвения,
Всё дружелюбное – любви твоей рожденье,
А грозное – ревнивым сердцем создается.

Лопе де Вега (1562 г рожденья).

Поэзия, продолжение.

Знание предмета – строй стиха, ритмистика, ямбы и хореи, – для поэта то же самое, что прочность материала (сопромат) для архитектора.

В прошедшем прошлом не знали мы добра,
Не видим доброго и в предстоящем,
А час сегодняшней в руках у нас.
Владей же часом настоящим!

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы боится лишь тот,
Кто вынужден правду скрывать.

И какая нам забота, если у межи —
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться. —

Тех, кто хороший, гнёт нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.

Кто глуп, тот от дури не спрячется,
И тот, кто не в шутку дурак,
Дурнее того, кто дурачится.

Свободе – привет и почёт.
Пускай бережёт её разум.
А все тирании пусть дьявол возьмёт
Со всеми тиранами разом!

Роберт Бёрнс – Шотландия 1759 г.

Поэзия – это есть игра чувств, в которую рассудок вносит стройную систему; красноречие (наоборот) – дело рассудка, которое оживляется чувствами.

Художники пишут глазами любви, и только глазами любви следует судить о них.

Я давно уже считал, что города – не место для поэта, который должен изучать природу. Если цивилизация в камне, асфальте, в бетоне и стекле – превращает людей в машины, – то обязанность поэта – снова сделать из этих «машин» – людей (человеков)!

У многих молодых сочинение стихов – это болезнь роста ума. Родители, которые замечают, что их чадо хочет стать поэтом, должны пороть (наказывать) своё чадо до тех пор,

пока он – либо не бросит своего стихоплётства, либо окончательно не сформируется в поэта. Пусть не великого, но достойного внимания.

Молодые поэты льют много воды в свои чернила – не зная техники стихосложения и всех тонкостей его.

Некоторые поэты похожи на медведей в спячке: которые постоянно сосут собственную лапу, – не видя окружающего из своей «берлоги бытия».

Поэтическое произведение должно само себя оправдывать, ибо там, где не говорит само действие, вряд ли поможет слово. Изображай в стихах то, что происходит и производит впечатление, добавив только чувственность своего переживания.

Пусть лишь Любовь цветы любви срывает
Слова пустые сердца не облегчат,
Ведь лучший дар принадлежит тому,
Кто сердцем всем откликнется ему.

Родник поэзии есть красота, – и красота народа. Поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это – как огни, как искры, из него излетевшие, передовые вестники народной красоты и силы.

Как писал Тургенев: «...Не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота

и жизнь, там и поэзия».

В прозе мы остаёмся на твёрдой земле, а в поэзии должны подниматься, иногда, на неизмеримые высоты.

Есть поэты, которые чувствуют, и поэты, которые выражают; и те, что чувствуют – наиболее счастливы.

«Когда-то считали, что только сахарный тростник дает сахар, а теперь его добывают почти отовсюду, – то же самое и с поэзией: будем извлекать её откуда бы то ни было, ибо она во всём и везде. Нет атома материи, который не содержал бы поэзии» – как вторя Тургеневу считал Гюстав Флобер (1821 г.). – «Поэзия – это особая манера воспринимать внешний мир, специальный орган, который просеивает материю и, не изменяя, преобразует её.

Поэт привносит часть себя. Произведение искусства – это уголок мироздания, увиденный сквозь призму определённого темперамента.

Общепринятое мнение, будто наука и поэзия – две противоположности, большое заблуждение. Люди, посвятившие себя учёным изысканиям, постоянно нам доказывают, что они не только так же, как и другие люди, но и даже гораздо живее их воспринимают поэзию изучаемых ими предметов.

Для поэзии идея очень важна..., поэзия вкладывает чувства в готовые идеи... Для создания литературного шедевра одного таланта мало. Талант должен угадать время, идти в ногу со временем. Талант и время нерасторжимы...

Действующий писатель и поэт, чтобы поддерживать свою

репутацию, должен или возделывать новое поле, или собирать более богатый урожай со старого поля...

Рассыпанное царство.

Русь полиняла за два дня.

Поразительно, что она рассыпалась разом вся,

До мельчайших подробностей,

До частных сельских пейзажей.

Не осталось Царства, не осталось Церкви,

Не осталось войска и нет уже работяг мужиков.

Примерно так думал Розанов В. В (1856 – 1919).

Творчество поэта невозможно объяснить. Объясненный поэт – всё равно что увядший цветок: нет красок, нет аромата – место ему в сорной куче истории.

Литература, тем более поэзия – дело глубоко ответственное и не требует кокетства дарованиями.

Мышление афоризмами характерно для народа...

Мучительны для сердца скорби,

И часто помочь ему нечем, —

Тогда мы забавною шуткой

Боль сердца успешно лечим.

Поэзия – включает и поток радости, и поток боли, изумление миром и только малую толику слов из словаря.

Конец.

Перевод

Египет был одним из древнейших государств в мире. За три тысячи лет – до «отца истории» Геродота найдены папирусы, глиняные и каменные таблички, первые книги древних писцов – писателей.

Первые книги – прославляли, в том числе и себя самих.

Поэзия.

«Книга – лучше расписанного надгробья,

И прочнее стены могильного склепа.

Знания заключенные в книги возродят дома и пирамиды

В сердцах тех, кто, читая книги, повторяет имена писцов
(писателей),

Читая книги, чтобы узнать из «уст» писателей истины
жизни...

Писатели не строили себе пирамид из меди

И надгробья из бронзы и золота,

Не оставили после себя наследников, детей,

Помнящих их имена и прославляющих,

Но они оставили своё наследство в писаниях – всем,

Черпающим знания – в поучениях, науках, – в книгах...

Время всё на свете способно разрушить.

Построены были каменные двери и каменные дома,

Но они разрушатся и пропадут в пучине истории.
Жрецы заупокойных служб исчезнут,
Их памятники покроются песком и грязью,
Их гробницы будут забыты.
Но не исчезнут писательские имена.
Имена их останутся в истории...
Их будут произносить, читая их книги,
Написанные во время их жизни;
И память о том, кто принёс людям знания – вечна».

Добро хорошо тогда, когда добро истинное.
Справедливость же – всегда бессмертна.
Кривыми путями не добраться лодке до гавани радости,
Лишь тот, кто честен и добр —
Благополучно достигает берега счастья.

Если зло не исправлять – оно только удваивается.

Вспыльчивый никогда не познает истину.
Смирив себя и свои страсти сердца.

Всё непонятное постигается в сравнении,
В образах понятных, повседневных картин.
Всякое беспристрастно решённое дело —
Лишает Ложь силы своей.
Утверждающий истину, создает добро
И уничтожает Зло: подобно пище,
Которая уничтожает голод.

Подобно одежде, что прикрывает наготу,
Подобно небу после свирепой грозы, – оно проясняется
И солнце согревает всех замерзших,
Подобно огню, который жарит то, что было сырым,
Подобно воде, которая утоляет жажду.

Если дружбой дорожишь
Ты в дому, куда вступаешь,
Как почётный гость иль брат, —
Обходи с опаской женщин!

Поучают нас древнейшие,
Мудростью делясь своей
Безымянные писцы,
Славу прочившие именам своим.

Конец.

Перевод. Продолжение.

Упанишады – в переводе означают «Сокровенное знание». И в самой передаче знаний уже звучит поэзия, как в самом тексте, который, несомненно, поэтичен. Многие брахманы Индии до сих пор, учась, пропевают слова мудростей в песнях, нараспев.

Всё духовное знание наше —
Любовь и решительность, сомнение и вера,
Неверие и твёрдость, размышление и стыд,

Страх и нетвердость – всё это вмещает Разум.

На чём основан глаз (зрение)? – На образах.
На чём основаны образы? – На сердечных чувствах.
На чём основана Вера? – От тех же сердечных чувств.

Поистине человек – это огонь (энергия)...
Всё вокруг – это энергия: и солнце и звёзды,
И вода и камень, и растения и животные.
Всё вокруг, – весь мир состоит из огня.

Тело наше – как колесница неуёмных коней,
Рассудок наш – колесничий управляющий ей.

Кто не наделён распознанием мира зла и добра,
Чей разум никогда не сосредоточен,
Чувства того человека не знают узды
И тело творит что попало – и плохое и хорошее,
То и дело попадая в ямы
Того и гляди попадет и упадёт в пропасть.

Творец дал человеку глаза,
Поэтому человек глядит вовне, а не внутрь себя

Мудрец – стремится к бессмертию
И смотрит внутрь себя, закрывая глаза от внешнего.

Конец.

Поэзия. Часть 3. Продолжение.

При царе Хаммурапи господствовало Вавилонское царство Двуречья. Бабилу – с аккадского языка – «Врата бога», великий город был центром культуры древнего мира. Письменность распространена была во всём народе, и законы написаны на обозрение всем на столбе из чистого железа на площади царём Хаммурапи и стоят до сих пор.

Афоризмы Вавилонян.

Раб пленённый и мертвец похожи друг на друга —
Образ смерти являют оба всем нам.

Жестокая смерть не щадит человека,
Ни каким образом не спастись от неё:

Разве навеки мы строим дома (?) —
они разрушаются и умирают.

Разве навеки мы ставим печати (?) —
власти меняются и законы отменяют наши печати.

Разве навеки делятся братья (?) —

Умерев, на том свете они вместе предстанут пред богами.

Разве навеки ненависть в людях (?) —
Смерть приравняет и того, и другого.

Разве навеки река несёт полные воды (?) —
Встанет летнее солнце и жара испарит воды реки.
Стрекозой навсегда ль обернется личинка (?) —
Лишь короткое время она проживёт и умрёт —
Как всё умирает в этом мире.

Конец.

Одним из важнейших литературных памятников древней Ассирии – рабовладельческого государства 3 века до нашей эры – является «Поучение писца Ахикара» служившего при дворе царя Синахвриба:

Да не изрекают уста твои слов,
Которые не обдуманы в Сердце твоём.
Ибо лучше споткнуться мысленно,
Чем споткнуться в беседе с людьми,
Наведя на себя позор и укоризну.

Подобно тому, как ветви и плоды украшают дерево
А густой лес украшает гору —
Так украшают мужчину – его дети и его жена.
Человек, у которого нет ни братьев, ни жены, ни
сыновей, —
Незначителен в глазах своих врагов.
Он подобен дереву на перекрестке дорог —
Каждый прохожий рвёт его плоды,
Все звери полевые объедают его листья.

Чьи одежды красивы и великолепны,

Того и слова (в глазах людей) весомы,
Но кто бедно одет и ходит босой, —
Того словам не придают значения.

Конец.

Из нашего времени, из века двадцатого, полные мудрости
слышны поэтические строки:

Ты приложил печать вечности
Ко многим летучим мгновениям жизни.

Никогда не бойся мгновений —
В них звучит голос вечности.

Ночь втайне раскрывает цветы,
Предоставляя дню и свету получить благодарность.

Обрывая лепестки цветов
Ты не приобретёшь его красоты.
О, Красота! Найди себя в Любви,
А не лести твоих зеркал.

Отягчите птице крылья золотом,
И она никогда уже не будет парить в Небесах.

Реки истины протекают через каналы заблуждений.
Пылающий огонь остерегает нас пламенем своим.
Спасите себя от умирающих горячих угольев,

Что прячутся под потухшей золой серых будней.

Не падай духом, брат,
Не отрекайся от замыслов твоих первоначальных.
Одна дорога у тебя, мой брат,
Спеши, не поворачивай назад,
Верши своё и не служи чужому —
Не бойся осуждений и преград.

Мудрецы, мужи науки, пробивают толщу знаний,
Достигая вечной славы постоянством и дерзаньем.

Конец.

Поэзия.

Часть 4 Продолжение.

Произведение искусства – это туман чувств, обволакивающий душу и изваянный в образ художником в надежде эти чувства передать.

Между учёным и поэтом – лежит зелёный луг природы: перейдёт его учёный – то станет мудрецом, перейдет его Поэт – станет пророком.

Джатаки – древнеиндийские притчи о земных перевоплощениях Будды, поэтическим языком песен и танцев они передают мудрость постижения истины мира Вселенной (Человек – такая же вселенная содержащая в разуме его). Из-

вестно 547 джатак. Многие из них входят в «Суттапитаку» – «Собрание текстов», в буддийский канон «Типитака».

Принц Гаутама, сидя под деревом и предаваясь раздумьям, стал Просветлённым – Буддой.

И вот Благословенному пришли на ум такие, прежде не слышанные гатхи (стихи):

В том, что с таким трудом я постиг,
Зачем я стану других наставлять?
Ведь тому, кто охвачен враждою и страстью,
Нелегко будет постичь это ученье.

Предавшиеся страсти, и объятые тьмой,
Они не поймут того, что тонко,
Что глубоко и трудно для постижения,
И что против течения их мысли.

Благословенный, преисполненный сочувствием ко всем живым существам, оглядел мир своим оком просветлённого... и обратился к Брахме Сахампати с такими гатхами:

Широко открыта дверь «бессмертной» (вселенной)
Для тех, кто готов услышать и слышит.
Да отвратятся от шрадухи (от обрядов религий).

«Благословенный дает мне понять, что он будет проповедовать ученье», – и, поклонившись Благословенному, Брахма Сахампати тут же исчез. Так началась «проповедь» Буд-

ды.

...Есть две крайности, что нужно избегать:
Одна из них – жизнь, погруженная в желания,
Жизнь – связанная с наслаждениями и удовольствием.
Это низкая жизнь: бесполезная и тёмная, неблагая.

Другая крайность: жизнь в самоистязании —
Исполненная добровольных страданий,
Желания достичь своими силами вселенной,
Что человеку не приносит блага.

Избегнуть этих двух страданий поможет Татхагата,
что достигнет просветления, постигнув средний путь, —
Ведущий постижению и к умиротворенью,
К высшему знанию и просветленье, – к Нирване.

Этот благой восьмеричный путь таков:

Правильные взгляды,
Правильные намерения,
Правильная речь,
Правильные действия.

Правильный образ жизни,
Правильные усилия,
Правильная память,
Правильное сосредоточение.

К тому благая истина о том, что существует страдание:
Рождение – страдание, старость – страдание.
Разъединение с приятным – страдание,
Когда не достигнешь желания – тоже страдание.

К тому благая истина о том, что есть причина всякому страданию:

Это жажда, ведущая к перерождению,
Связанная с наслаждением и страстью,
Находящая удовольствие то в одном, то в другом.

К тому благая истина о том, что страдание уничтожимо:

Это уничтожение жажды желаний
И полное уничтожение страсти,
Отказ от них и отречение,
Освобождение от них и отвращение.

И вот, благая истина о том, что есть великий путь:

Есть путь – ведущий к уничтожению страданий:
Это благой восьмеричный путь – указанный Буддой!

Конец.

Из Джатаки:

Всех богатств великая ценность,
Хотя бы ничтожных людей,
В том состоит в этом мире —
Что стремящийся ко благу

Может богатства отдать, поделиться с другими.

Ведь то, что отдаётся, обращается в сокровище,
А то, что храним в закромах, собираем,
Тому один конец – уничтожение после нашего ухода.

Заслуги добрых дел твоих, о человек —
Это приятные цветы растущей славы.
Благоговейно собранные (добрые дела),
Уже здесь проявляют своё влияние —
Почитание и уважение людей дающее.

Жадности огонь, который жжет сердца,
Не знающих удовлетворения сердец людей,
Кто получил желанную супругу и детей,
Достиг богатства и могущества
И даже больше, чем желал, —
Да не проникнет в моё сердце, о том молю!

И будет, – Ненависти пламя, которое, как враг.
Созданиями овладевая, может их заставить,
Прийти к утрате всех богатств и к осквернению касты
И приведет к утрате блага доброй славы, —
Да будет пламя это подальше от меня, о том молю!

О сохрани меня ты от несчастья —
Услышать речь глупца иль на него смотреть

И говорить с ним!

Не дай мне испытать тяжёлый гнет

Совместной жизни с глупым человеком! О том молю!

Конец.

Стихотворение.

Порядок учит время сберечь.

Потеря времени больней всего

Для человека умного и для того,

Кто знает больше, чем мы все могли бы знать.

Ошибочно приняв средства за цель,

Разочаруешься в себе, да и в других,

А потому из всех твоих идей и дел

Не выйдет ничего или получится наоборот,

Обратное тому, к чему стремился.

— — — — —

Природа лишь не знает остановки

В своём движении рождая сотни монстров —

Казнит и убирает с пьедестала

Всех, кто в развитии остановился.

Сама природа не имеет органов речи,

Но создаёт и языки и чувства и сердца.

Своим твореньям назначая встречи

И сталкивая их во времени всегда

И шуток от природы не дождёшься
Серьёзно видим совместимость несовместного:
Тут и огнём из пасти дракона обожгёшься,
И птицу с рыбой встретишь и другое интересное.

Природа творец из творцов,
Человеку того не достичь никогда, —
Наука упирается в жадность дельцов
Материальность тормоз человека всегда.

Конец.

Продолжение.

Двух вещей очень трудно избежать:
Тупоумия – если замкнуться в своей специальности
И неосновательности – если выйти из неё
Нужно редкое чувство – сразу всё знать.

До тех пор, пока ты не принял решение
Тебя бесконечно будут мучить сомнения:
Ты будешь помнить о том,
Что есть шанс повернуть назад, остановить движение,
И это не даст тебе эффективно работать.

Но когда ты решишь себя делу посвятить,
Само провиденье окажется на твоей стороне

Начнут такие события вдруг происходить,
Которые не могли бы случиться никогда и нигде.

На что бы ты ни был способен, о чём бы ты ни мечтал
Начни осуществлять свое дело, смелость, как тот же
метал
Смелость даёт магнетическую силу и власть —
Решайся, делай и наслаждайся победой всласть!

Конец.

Продолжение.

Кто, сделав дело, ждёт совета,
Тому не впрок ни то, ни это,
А кто заранее всё обсудит,
Тот в дураках потом не будет.

Кто себялюбью лишь послушен,
А к общей пользе равнодушен,
Тот – неразумен и свинья:
Есть в общей пользе и твоя!

Конец.

Стихотворение в прозе

По определению (фр. Po; me en prose, petit po; me en prose) – литературная форма, в которой прозаический (не осложнённый, как в стихе, дополнительной ритмической организацией) принцип развёртывания речи сочетается с относительной краткостью и лирическим пафосом, свойственными поэзии.

Злоречивый язык выдает безрассудного, надо думать немножко вперёд, к чему может подвигнуть собеседника твоя не очень приятная речь.

Клеветы и злоречья надо остерегаться, как ядовитой гусеницы на кустах цветущей розы – они (клевета и злоречье) бывают скрыты тонкими и лощеными оборотами, за которыми не всякий различит их вредную основу.

Когда уходит с небосклона солнце, всё омрачается во круг, – и так же будет мрачным разговор однообразный, лишенный некой дерзости в словах, как будто света, и польза та беседа мало принесёт.

Иногда ты бранишь других лишь потому, что сам боишься ситуации такой, в которую попал твой оппонент, желаешь сам быть дальше от того, за что другим ты выговариваешь.

Кто хочет соблюсти благопристойность в насмешках

и шутках, тот должен понимать различие между болезненным пристрастием человека и здоровым увлечением его: насмешки над больными оскорбляют, насмешки над привычками поменьше обижают, от них (от некоторых привычек) избавиться бывает и не грех...

А вот намёк, бывает и опасен, вреден:

Курносый или горбоносый быть может
Только усмехнется, если над его носом пошутить.
И лысые снисходительны к подшучиванию
Над их недостатком волос,
А вот косоглазому – шутки над ним неприятны.

И вообще различно отношение людей к своим внешним недостаткам: одного тяготит одно, другого другое...

Поэтому, кто хочет, чтобы его поведение в обществе было приятно окружающим, должен учитывать их характеры и нравы в своих шутках:

То, что вызовет смех в обществе друзей и сверстников, (скабрёзный юмор) – будет неприятно услышать в присутствии жены, или отца, или учителя... Очень важно также следить за тем, чтобы насмешка пришлась к обстановке общего разговора или события или в ответ на шутку или чей-либо вопрос, а не вторгалась в застолье как нечто чуждое совсем и неуместное (ну, кто пошутить изволит на похоронах?).

И лезть подобна тонкому щиту
Расцветенному краской:
Приятно на него смотреть,
Нужды же в нём нет никакой.

Мы часто задаем вопрос не в ответе нуждаясь,
А стремясь услышать голос и снискать расположение
Другого человека, лишь желая
Получить поддержку голоса его.

Опережать с ответами других пытаюсь,
Стремясь захватить чужой слух, занять чужие мысли, —
Это всё равно, что лезть целоваться к человеку,
Жаждущему поцелуя другого,
Или устремлённый на другого взор
Стараться привлечь к себе.
даже из тех, кто говорит плохо в этот момент.

Научись слушать, прежде чем говорить – и ты сможешь
извлечь пользу.

Не обидна бывает насмешка, – если она в какой-то мере
относится и к самому говорящему её.

И ни одно произнесённое слово не принесло столько пользы,
сколько множество не сказанных слов – молчание золото.
Но человек вынужден говорить, общаясь – тогда и нужно
раскидывать серебро слов прекрасных вокруг, серебро ничуть
не хуже бывает.

Конец.

«Поэтическое»

Закончился лес, безо всякой опушки, сразу за высоким «забором» из елей и сосен открылось поле. В лиловой дали тонули холмы, и не было видно их конца. Высокий бурьян колебался в поле от ветра. Носился коршун невысоко, нацеливаясь и высматривая свою добычу. Воздух все больше застывал от зноя и тишины, покорная природа цепенела в молчании.... Ни «громкого» ветра, ни бодрого свежего звука, и на небе ни облачка.

Но вот, наконец, когда солнце стало спускаться к западу, холмы и воздух не выдержали гнета и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго жаркого дня. Из-за холмов неожиданно показалось пепельное-седое кудрявое облако. Оно переглянулось с широким полем – я, мол, готово, – и нахмурилось, превратившись в тучу. Вдруг в стоячем воздухе что-то прорвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по полю, словно оттолкнувшись от стены леса позади меня и взъерошив мои волосы на голове. «Наверное, дождь будет» – подумалось. Необычайно быстро туча закрыла весь горизонт и приблизилась. Тотчас же трава и высокий бурьян подняли ропот, по дороге спирально закружилась пыль, побежала по полю и, увлекая за собой сухие травинки, стрекоз и перья птиц, вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила закатное солнце.

У самой дороги вспорхнула птица. Мелькая крыльями и хвостом, она, залитая еще светом солнца, походила на рыболовную блесну или надводного мотылька, у которого, когда он мелькнет над водой, крылья сливаются с усиками и кажется, что усики растут у него и спереди, и сзади, и с боков.... Дрожа в воздухе, как насекомое, играя своей пестротой, эта небольшая полевая птичка поднялась высоко вверх, по прямой линии, потом, вероятно, испуганная облаком пыли, понеслась в сторону, и долго еще видно было её мелькание....

Невесело встретила меня моя заветная родная сторона. Вскоре пошел густой дождь. И в чистом поле мне совершенно негде было укрыться! Так я подошел к родной деревне – весь мокрый и слегка замерзший, и постучался в первый же дом на краю.

Конец.

Акустика

Стихотворения.

Вода налитая в сосуде
Прозрачна и светла,
Вода в огромном океане
Темна во глубине у дна.

Так маленькие истины
Открыты ясными словами,
У истин вечных и глубоких
Великое безмолвье слов.

«В лучах Луны и отражённым светом
Ты шлешь любовные письма свои» —
Сказала тёмная Ночь ясному Солнцу.
«А я оставляю ответы —
Слезам росы на зелёной траве».

Жизнь, в целом и сущем движенье своём
Никогда не принимает Смерти всерьёз.
Она смеётся, играет и пляшет, и строит всё новое...
Жизнь любит и собирает себя перед лицом Смерти.

Только тогда, когда мы выделяем
Отдельный факт погибшего существа,
Мы замечаем всю пустоту Погибели,
И смущаемся, грустим и плачем об утрате.

Когда-нибудь мы поймём, что Смерть бессильна
Лишить нашу душу чего-либо из приобретённого,
Ибо приобретённое ею, и она сама – это одно и то же.

Так поступают все поэты:
Они разговаривают вслух сами с собой,
А мир подслушивает их сонеты
И восторгается стихов красотой.

Ведь, так ужасно одиноко
Когда не слышим речь другого.

Уметь одиночество выносить
И удовольствие получать от него —
Это великий дар свыше,
Который нелегко получить.

Человек – как кирпич:
Из глины сотворённый —
Обжигаясь, он только твердеет.

Мы живем в атмосфере стыда.
Мы стыдимся всего, что есть подлинно в нас:
И самих себя мы стесняемся,
И родных своих видом стыдимся,
От доходов своих нам стыдно подчас,
Стыдно речи своей, несуразности произношения.

Своих взглядов и опыта странного
Мы боимся стыдливо, и прячем от всех.
Точно также, как тела стыдимся своего обнаженного
И тому ничего мы не видим опасного.

Человек для своих оправданий находит любую причину,
Кроме причины одной и действительной, —
Для преступлений своих – находя оправдания,
Для безопасности – повод находит всякий,
Кроме одного своего чувства простого —
А этим одним – является трусость его перед миром.

Разумный человек приспособливается к миру,
Неразумный приспособливает мир к себе.
Поэтому все достижения наши и весь прогресс
Зависит только от людей неразумных.

Тайна наших несчастий в том состоит,
Что у нас слишком появилось много досуга,

Чтобы размышлять в свободное время —
Счастливы мы или нет.

Конец.

«Фабрика человеческого познания» – это философия

В изучении философии есть тройная выгода, как говорил один профессор.

Во-первых, – люди научаются «философствовать» – то есть мыслить. Это дается отнюдь не многим.

Во-вторых, – перед взором изучающего проходят картины мира, как понимало мир человечество на протяжении всей своей истории. А это доступно многим и не только из школьной программы.

В-третьих, – люди могут получить университетский диплом, учась на факультете философии. Это могут все.

Так профессор начинал свои лекции, он преподавал философию.

Профессор № «читал» курс лекций введения в философию и вёл семинар по Канту. Сам семинар был очень строгий и многих, наверное, отпугивал. Он был построен на разъяснениях понятий – это, как понимал тот или иной термин Эпикур и как тот же термин понимал Платон, и как Аристотель, и как термин этот предстаёт у Канта в его «Пролегоменах», в первом издании «Критики чистого разума», и во втором издании и так далее.

Мы изучали Канта, его «Пролегомены», но научались мы

другому... учиться! Мы начинали понимать, что такое источник, что такое текст, что такое термин, что такое библиография, что такое формулировка (где была школа (?): почему в школе всему этому нас не научили?)...

В первые же недели выяснялось, насколько это плохо, если ты не знаешь ни слова греческого языка, и насколько ужасно, если ты полез в философию, не зная немецкого языка... Да, это было введение в высшее образование.

Помнятся мне эти кристаллы счастья – дважды по два часа в неделю обучения в ВУЗе, что выпадали мне в юности. Это были уроки чистого мышления. Без зубрёжки, без гнусного трепета и боязни, что тебя вдруг вызовут отвечать к доске, а ты ничего не знаешь... Только что оконченная средняя школа виделась отсюда, с высоты семинара и лекций, как давно прошедший детский садик... Там, в школе, мы были просто обезьяны, подражающие и повторяющие за учителем, а теперь мы «пыжились», чтобы из обезьяны превратиться в Человека.

Да, нам было трудно. Казалось, наши мозги трещали от развития мыслей, мыслям не хватало места под черепной крышкой, и я по вечерам поглядывал в зеркальце на свой лоб, как спортсмен поглядывает на свои бицепсы: выпучился ли, не сияет ли?

После всех других лекций в ВУЗе мы собирались на семинар в небольшой малой аудитории. И ведение-чтение профессора № повергало нас в смущение, настолько оно лише-

но было какой бы то ни было академичности. Наш профессор явно резвился. Он вёл себя с нами, как малыми ребятами, – забавлял нас, интриговал нас, говорил языком никак уже не научным. Он даже представлял что-то в лицах! И лишь иногда, как бы вторым планом, перед нами открывались такие глубины, в которые нам ещё предстояло погрузиться...

Сейчас, спустя десятки лет, нет возможности воспроизвести хоть одну странную лекцию, тем более что в ней никакой вульгарности не было. А так пересказать трудно – надо иметь слишком хорошие знания предмета и обладать тренированным научным мышлением. Я могу дать представление только о духе, о характере выступлений профессора №, рискуя навлечь на себя недовольство большинства преподавателей.

Второй день по брезенту палатки шелестел дождь. Он то переставал на час-полтора, то вновь начинал моросить, и эта морось перерастала в полноценный дождь также на час-полтора. По небу всё ползли и ползли серые дождевые тучи.

Вторые сутки я проклинал себя за то, что уговорил Завадского – соседа по квартире, профессора – поехать на рыбалку. Вслух этой темы я старался не касаться. Но убирая после обеда нехитрую газетную скатерть. Я вновь увидел прогноз погоды, обещающий затяжные дожди и терпение моё лопнуло.

– Вот, старый склеротик, – обругал я себя, показывая За-

вадскому газету. – Я же читал этот прогноз, в этой самой газете за день до выезда. Полное расстройство памяти... —

Завадский улыбнулся:

– Зачем же сразу страсти-мордасти? Ну, забыли и забыли, бывает. —

– Нет Петр Алексеевич, – упорствовал я, – это уже настоящее старческое – забываю текущие события, а прошлое помню.

– Причиной забывчивости может быть и не склероз, – задумчиво сказал Завадский. – Человеческая память – это тонкий инструмент. Вот я помню довольно отчётливо одни события своей молодости, а другие напрочь забыл. —

– И у меня, вот, так. – начал я свой рассказ с этого. – Видел я памятник и вспомнились дни моего студенчества... —

Шелестел дождь. Пахло мокрой травой и прелью. Напротив входа в палатку чернели угли потухшего костра. Чуть дальше тихая речка бесшумно несла свои воды среди низких берегов. Над водой сиротливо торчали тонкие удилища на рогульках. Кончался второй день вынужденного безделья, вместо рыбалки. Самое время беседовать-рассказывать...

— — — — —

Я помню то время, когда на очевидных, почти детских понятиях нас учил профессор № законам мироздания, законам «Фабрики человеческого познания». – Живописное и даже театрализованное вступление в свой семинар по книге Иммануила Канта «Пролегомены» наш добрый профессор за-

вершал примерно так:

– Гиды туристических компаний приведут посетителей на самый верх «Фабрики человеческого познания», не потерявшей своей стройности, – к вершине пирамиды. А там в небольшой комнате расположатся три достопримечательности.

Первая – это написанные рукою Канта слова:

«Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место Вере».

Вторая – круглое отверстие в потолке в неизвестность.

И третья – помело, на котором летают ведьмы человеческой фантазии – мечты. Это помело используется для полётов к богам, когда разуму приходится особенно трудно при разгадывании тайн природы.

– Ах, Иммануил, Иммануил, – чьё имя значит, в переводе, – «С нами Бог!» – восклицал профессор с финальным сокрушением и умолкал.

А мы, вчерашние школьники разражались аплодисментами, даже не подозревая, какого мозгового напряжения потребует от нас уже ближайшее занятие.

– Вот был преподаватель! – сообщал я памятную радость и продолжил рассказ-пояснение, своего рода – лекцию, благо время располагало.

Как и многие другие философские системы, кантианство оказалось дефективной записью знаний человеческих. Обла-

дая очень небольшим количеством сведений о природе, люди всегда нуждались в их объединении, в их обобщении; им хотелось обязательно составить общую картину мира и увидеть в ней не только мир, но и своё место в нём. Людям приходилось фантазировать, латая прорехи в точных знаниях и обращаясь к богам (Зевсам, Торам, Одинам) тогда, когда никакие фантазии уже не помогали свести концы с концами. Создателям всех философских систем казалось, что им удалось нарисовать истинный портрет мира. А последующие поколения, вооруженные большим опытом, разглядывали этот портрет и отмечали все наивности, все неточности и всю его неполноту.

По дефектам философских систем можно видеть дефекты точного знания, дефекты науки на протяжении истории человечества.

Кант тоже хотел окончательной истины, истины раз и навсегда.

Он считал, что совершил переворот в философии, подобный тому, какой совершил в астрономии Коперник.

Сравнение с Коперником можно развернуть и далее. Ведь у Коперника осталось от прошлого больше, чем об этом существует общее мнение. – Стремясь соблюсти круговую форму орбит и постоянную скорость движения по ним всех планет (ибо не могут же большие небесные тела то бежать вприпрыжку, то плестись вразвалочку или двигаться по неровным кривым?.. «Недостойно предполагать что-ни-

будь подобное о том, что устроено в наилучшем порядке», да и наблюдения тех времён не давали оснований для столь дерзостных заключений). Коперник вынужден был сохранить Птолемеевы эпициклы и экванты, общим числом тридцать четыре круга, «при помощи которых можно объяснить весь механизм мира и все хороводы планет».

Кант был в восторге от совершенства своей философской системы. Он видел в ней гибель всякого догматизма и единственный путь развития науки. Он не заметил, что уже эти утверждения и есть догматизм. Это тем более удивительно, что именно Иммануил Кант написал «Естественную теорию и историю неба» – первую космогоническую работу.

– Кстати, в ту пору я и нашел себе невесту и это как раз в связи с Кантом, – начал я своё повествование вновь, после небольшого перерыва, связанного с рыбалкой. Пока мы ходили за своими удочками, убирая их из воды в затишье от дождя, дождь совсем прекратился. И мы уже не стали рыбалку возобновлять, а развели костёр припрятанными в палатке сухими дровами. Костер мне и напомнил события давние...

«А дело было так...» – как говорится вначале загадочных историй.

Студентов посылали в колхоз на уборку картофеля, и нас послали работать на целый месяц. От нашего семинара было человек десять, другие, особенно девушки, были с других факультетов. И одна, – Марина, прислушалась к моим

рассказам о Канте и его учении Кантианстве, которым я почти бредил... Уже тогда я понимал, что человек более учится сам, когда передает свои знания, приобретенные, другим, то есть делится – учится, уча другого. В этом случае происходит, что бывает нужно рассказывать то, что ты понимаешь в одних словах и выражениях – другими словами и выражениями, приходится термины понятные тебе объяснять другому человеку, у которого свои представления. Тем более женщине, девушке мне приходилось рассказывать всё упрощая и сводя рассказ о науке на язык просторечия на обывательском уровне. Девушкам нравится простота и практичность, поэтому рассказ я начал с портретного представления о философе Канте...

(Далее мне предстоит передать нашу беседу у костра, ставшую «старинным» воспоминанием. Я не беллетрист и не драматург, я не умею имитировать естественность. Впрочем, и Платон, и прочие диалогисты не заботились украшать свои произведения под документальные стенограммы болтовни. В диалогах я предпочитаю смысл, чем бездумную естественность. Вот, так, оправдав свои литературные промахи, продолжаю свой рассказ).

...Снимая Геркулесову руку со своего плеча, Марина говорит:

– Как мне не нравится Кант, как не нравится! —

Слушатели, а нас подслушивали ещё несколько человек от нашего семинара, вернее другая парочка и одиноко сидя-

щие у костра даже рассмеялись на это громкое высказывание. Мой друг-студент даже вскинулся шуткой:

– Замуж за него ты бы не пошла? —

– Мне не нравится Кантова гордыня, его чистоплюйство, — всё в его теории разложено по полочкам... —

– Какая гордыня? Он был скромнейший человек. Гегель считал даже, что у Канта чрезмерное смирение проявляется, — сказал я в защиту своего любимца-философа.

И тут я стал набрасывать портрет самого Канта без дополнительной научной нагрузки:

Человек он был болезненной конституции — бледноват, невысокий, узкогрудый, сутулый. Иммануил Кант обладал редким умением рационально жить с самим собой. Ещё в ранней юности он определил в себе как главное — замечательный мозг! Это был безупречный «аппарат» для сложнейших логических построений, способный ставить перед собой самые разнообразные задачи. Для наилучшего использования этого «аппарата» была составлена программа (понынешнему сказать — «алгоритм») жизни: как жить и чем заниматься — на определённое время вперёд.

Оптимальный вариант (записанный в дневниках) включал в себя: 1 минимум физических напряжений и 2 минимум посторонних раздражений.

Поскольку физических сил мало, все они должны быть направлены только на поддержание мышления. Никаких путешествий, никаких событий, никаких волнений! Полная

константность (постоянство) среды: да будет всегда один и тот же город, одна и та же улица, один и тот же рабочий кабинет, один и тот же вид из окна. Так что, когда по законам природы тополя в саду разрослись и стали закрывать башню, на которую философ привык смотреть в часы размышлений, – были приняты все меры к тому, чтобы спилить тополиные верхушки до привычного уровня.

Алгоритм предусматривал также отсутствие семьи, поскольку семья (с термином современности) – есть генератор всяческих помех при умственной деятельности. Алгоритм предполагал также очень строгий распорядок действий во времени. Секретарь Канта и автор «Писем к другу об Иммануиле Канте», которые он опубликовал после смерти своего шефа, сообщает о регулярности его жизни:

«Каждый день после обеда Кант приходил к Грину, находил его спящим в креслах, садился подле него, предавался своим мыслям и также засыпал. Затем обыкновенно приходил директор банка Руфман и делал то же самое, пока, наконец, в комнату не входил Мотерби и не пробуждал общество, которое после того до семи часов занималось интереснейшими разговорами. Это общество так пунктуально расходилось в семь часов, что я часто слышал, как обитатели улицы говорили: «Ещё нет семи часов, потому что ещё не проходил профессор Кант».

Говорят, чтобы не слишком засиживаться во время работы, Кант клал носовой платок на стул возле двери и тем по-

буждал себя время от времени совершать «моцион» (прогулочку по длинному кабинету).

Множество правил входило в алгоритм поведения Канта. Все они были рассчитаны на сохранение спокойствия, на запрещение всяких помех, всяких отвлекающих раздражителей. Так, например, однажды неприятности были ему доставлены во время затянувшейся прогулки в экипаже некоего графа №. С этого случая никакие силы не могли уже заставить Канта сесть в экипаж, который не был бы в полном его распоряжении! (Свидетельство истории)

Вот, так было положено ещё одно запрещение – «ферботен» на немецком! Система запретов. Восстановление границ. Диктатура пределов. Таков был стиль жизни Канта, и его философии естественно.

Есть мир – и есть нечто вне мира, – но туда нельзя – ферботен. Запрещено. Там (вне мира) происходит таинственный, абсолютно непостижимый процесс. Там перерабатывается первичное сырьё. Оно называется греческим словом «ноумен», а ещё «эфир». Это единственное, что мы знаем о нём, и то лишь потому, что сами придумали для него такое название.

Что оно такое? Неизвестно. Никогда не было известно и никогда не будет известно. Кант ставил ограничение для познания – разум, считал он в познании имеет свои пределы.

Но всё-таки?

Есть мир – реальный мир. Да. Мир, который совершенно не зависит от нашего сознания. Существует сам по себе, даже если бы всех нас убили.

А мир, который мы видим, слышим и изучаем? Что он такое? – Он сфабрикован нами самими. Он – творение нашего мозга.

Точнее сказать – вы слышали, что наше обычное отношение к миру – это есть «наивный реализм» и присущ неучам. Подлинный аристократизм души получается только после особенной операции. Которую надо произвести над этим неотёсанным примитивным мозгом. Мысль должна научиться рассматривать видимый мир как порождение человеческого сознания.

На нашем семинаре никто из нас не хотел быть «примитивным», никто не соглашался на чин «наивного реалиста». Это просто неинтеллигентно. Интеллигентность же начиналась от Канта. Его философия, как ветви дерева, прорастала сквозь весь девятнадцатый век, пронизывая интеллигенцию всех стран, порождая всё новые толкования и варианты... Она принимала сложнейшие формы, испещрённые формулами высшей математики. К ней примыкали профессора точных наук, такие, как Гельмгольц; её критикуя, из неё исходили физики, как Мах... Даже целые группы марксистов вводили критицизм в свой арсенал.

– Вот именно, у Канта смирение перед запретами, – сказала Марина, которая слышала о Канте и раньше, не от меня «семинариста». – Если всю эту инженерию силлогизмов, всю его шахматную согласованность, всю витиеватость доказательств пройти насквозь и добраться до его души, то там есть что-то неприятное.

– Ещё одно – дамское! – опровержение кантианства. – обрадовался мой друг с семинара.

– Если ты открыл, что мозг человеческий не может познать истину, далее ему запрещено – ферботен (по-немецки), – (можешь теперь) грусти. (Пауза) Рыдай. Сетуй. – ответил я на такую «дамскую критику». – А если же ты хочешь расчистить путь для настоящей науки, осуди философскую спекуляцию и скажи, что человек может познать истину. Но ведь он не рыдает! Он очень доволен, что именно он, Кант, оповестил человечество о том, что истина – «ферботен».

– Он был доволен своими открытиями, что открыл «запрет? – переспросила Марина.

– Он доволен тем, что эти открытия одновременно и закрытия. Он гордился, что поставил заграждения, что он запер двери, что он окоротил прыть. И мне не нравится эта ученая скромность. «Мы можем только описывать», «мы можем только уславливать о предметах опыта», «мы не знаем ничего, кроме комплексов ощущений», «нам даны только наша воля и наши представления» ... Пойми, это всё – не толь-

ко философия, это ещё и определённый тип человека, некий характер, – словом, это образ души. И для меня он противен. Прежде всего, я не верю, чтобы, например, Мах, который был физиком, искренне верил, будто всё, что он изучает, в действительности не существует или что истинность законов физики определяется экономностью объяснения. —

– То есть, выражаясь дамскими терминами, всё это не более чем кокетство? – спросил мой друг «семинарист».

– Ты попал в точку. Только у юных дам – кокетство – это милое свойство, а у взрослых и умных мужчин – оно мерзость. Кокетство или снобизм – всё равно. С высоты своей мудрости мужчины-философы считают, что в конце концов нет ничего поистине серьезного, что в действительности познать ничего нельзя и остается только задирать нос и гордиться тем, что они точно рассчитали, как и почему они ничего не знают и не будут знать. —

Тогда, у костра все притихли было, никто не нашёлся, чтобы задать ещё вопрос или прояснить, потребовать продолжения. Более чем где-нибудь слова Марины, тогда, мне показались убедительными. Я не оговорился: именно – «чем где-нибудь»! Слишком бесхитростная была обстановка вокруг. Всё было слишком подлинно, полностью правдиво.

– Ты знаешь, почему тут так хорошо? – говорила она.

– Потому что тебе осточертел город, – вскинулся было опять мой друг-семинарист, который в противоположность всем нам почему-то не любил, когда Марина или любая дру-

гая девушка начинала «умствовать», как он выразался.

– Тут нам хорошо потому, что мы не чужие этому Храмику. И сто лет назад сюда приходили крестьяне, и Храмик успокаивал их, это намоленные места. Также цвела и шуршала полевая трава, и звёздочка загоралась вверху, как первый огонёк в далёком селении... Мы свои люди в природе. Мы устроены также, как и природа, мы – члены её семьи, мы как деревья, летучие мыши, как вот эти жуки, ползущие в траве... Разве можно не верить Природе? —

И Марина посадила на свою детскую ладошку жука, который плюхнулся только что в золу рядом с пламенем костра, очевидно прилетев на его свет. Жук стоял на ладошке неподвижно, и, вероятно, ориентировался в обстановке.

– Вот, я же знаю, что зола ему неприятна!.. Давай-ка я почищу тебя, дорогой! —

Она провела пальцем по жучиной спинке, жук поставил свои верхние крылья торчком, выпростал из-под них другие, полупрозрачные, и, загудев, медленно поднялся, повиснув вертикально. Потом шархнул вбок и уплыл по воздуху за кулисы ночи.

– Я бы тоже поступила именно так на его месте! – сказала Марина. – Я бы покинула опасное общество. А ведь он даже не млекопитающее и даже не теплокровное. Но мы с ним понимаем друг друга – мы оба творение природы... Как я его люблю, как я всё это люблю, всю природу! – вздохнула Марина. – Мне иногда кажется, что я сама – жук или ягода

ежевика, кажется, что все они живут в моём теле, и что я живу в них. —

Она взмахнула руками, как будто в сердцах и прижала их к груди.

— А тут приходит такой — Кант, и говорит, что я — особое существо, что я, якобы, единственная такая сильноразвитая, и во мне, якобы, в разуме, порождается всё окружающее. Но почему же во мне порождается, а не в этом вот жуке? Что это я, человек, за аристократ такой? Не хочу я быть чужой на этой планете! —

Она даже рассмеялась собственному пафосу. Сложила руки на коленях, положила подбородок на руки, сидя на низком обрезке бревна, и стала смотреть в огонь.

— Но если наш бедный разум слаб в восприятии — то конечно! — подначил опять мой друг «умствования» девушки.

— Не подначивай — сказал я другу. — Сам знаешь, что разум не слаб. Я только хочу передать вам не логику каких-то рассуждений, а ощущение различных подходов к восприятию мира. — продолжил я свои объяснения.

— Вот смотрите: допустим, скала. Нет возможности влезть. Отвесно, опасно, внизу пропасть, например. Слабый телом человек не решится лезть на скалу и восполнит свою слабость пространственным доказательством — почему он не может и почему никто не сможет. И действительно: видишь, что там навис козырёк, карниз... Как забраться? Но есть люди, альпинисты, сильные, и они, люди, ставят ногу

на край скалы и начинают подъём... Вы понимаете? Человек взбирается на высокие горы! Альпинисты применяют верёвки, делают кошки, крючья, потом их потомки изобретают другие инструменты – альпинистский молоток... И сильный человек лезет вверх, вместо того чтобы умствовать, что это невозможно и почему и как именно это невозможно... —

– Не вынимай нам мозги! – взорвался вдруг мой друг. – Ты просто хочешь сказать, что не любишь тщедушных, слабее тебя, людей вроде Канта. Или вроде меня. Что тебе нравятся титаны, гориллы... Ну и люби их! – и он покинул нас отойдя к палаткам.

Я положил на плечи Марины спавшую на землю её бедную старенькую кофточку – вечер отдавал прохладой, и приобнял её.

– Вы когда-нибудь делали это? Если да, то должны знать, какое это счастье в восемнадцать лет: сидеть у костра обнимая девушку —

Всё хорошо. Потом мы с Мариной поженились.

Между тем у нас закипел чайник, готово было нехитрое угощение и вечер у костра обещал быть длинным. Я потом продолжил свой рассказ о Канте и философии. Немного в другом ракурсе в выдумке и фантазии, как я объяснял девушке сложные истины философии, через понятные и простые сравнения:

«Итак, – есть Нечто, которое есть реальный мир, и сущ-

ность его нам неизвестна до конца и никогда не будет известна, поступает в подвальные нижние этажи нашей «Фабрики познания». Вход туда запрещен (по Канту). Это граница: «Её же не преjdeши».

В этих подвалах «фабрики познания» (внутри мозга) – тот непостижимый объективный мир, то есть сумбур и хаос, вся чертовщина и муть, приводится в вид, годный к употреблению для человека.

Там, в обстановке секретности, заготовительные машины 1) «пространство» и 2) «время», как тянущий агрегат – производят над сырьем (над объективным миром) первые операции. Они располагают сумбур и хаос в вышину, в длину и в ширину, они накалывают его (сырьё) на сетку минут, часов, веков и столетий... И становится видно, – что тут больше, что меньше, что раньше, что позже...

Так наше сознание превращает непостижимый хаос в постигаемую Природу.

И она начинает играть красками, звучать, двигаться... Это и будет наш мир, в котором мы живём и который мы изучаем.

Значит, – в реальном мире нету ничего, нет ни пространства, ни времени? Да, значит! Ибо пространство и время суть формы нашей, человеческой чувственности, не более.

На следующем этаже, поднимаясь из подвала заготовительных цехов, появятся готовые предметы, отдельные дета-

ли нашего мира.

Например, появляется камень. Обыкновенный, серый, обкатанный булыжник, даже с зеленым лишайником на боку. Самое замечательное состоит в том, что не только глаз видит камень таким, но и рука подтверждает, что он совершенно такой, каким его показывает нам зрение.

Одновременно с камнем из подвалов нашей «фабрики познания» выезжает, например, солнце. Оно горячее, оно ослепительное, оно круглое... Все эти детали нашего мира, как детали на конвейере автозавода (внутри нашего мозга), не должны пребывать в состоянии отдельности. Они сразу поступают в сборку.

Сборочный цех Фабрики познания называется – «коридор категорий»! (это серое вещество коры и извилин мозга) это конвейер сборки предметов, сработанных нашими чувствами.

Вот на конвейере и появляются булыжник и солнце.

Прозрачные агрегаты чистых рассудочных понятий оценивают и то, и другое с точки зрения количества, качества и других «категорий рассудка».

«Дело чувств – созерцать, рассудка – мыслить. Мыслить же – значит соединять представления в сознании. Соединение представлений в сознании (это и) есть суждение», – писал Кант.

Пройдя все агрегаты категорий, наш булыжник и упомянутое солнце поступают в окончательный и главнейший сва-

рочный стан: в категорию причинности. И оттуда выходят уже в виде готовой продукции, в виде суждения: «Солнце есть причина нагретости камня».

Так производство завершается. Какая-то частичка «природы» нами познана. Разные, непохожие явления связаны друг с другом.

Ну а в реальном мире, независимом от нашего сознания? Как там? Нагревает ли солнце камень?

Ха-ха-ха! Там (по Канту) нет ни камня, ни солнца, ни причинности! Во всяком случае, мы ничего об этом не знаем и не должны даже пытаться узнать что-нибудь. Ферботен. Запрещено.

Здесь же, в мире (созданном нашим сознанием) явлений, мы можем продолжать исследование солнца и камня с любой степенью точности, и это будет научно правильно и полезно для общества.

Кант не признавал никаких чудес. И тут ему на помощь приходила его теория «априорного знания».

Это примерно обстоит таким образом:

Покинув зал «Коридора категорий», мы входим в величественный «Зал априорного знания».

Кант считал, что когда мы складываем два числа, например $5+7$, то сумма, в данном случае 12, появляется как абсолютно непререкаемый результат и не требует никакой опытной проверки. Она бесспорна.

Следовательно, думал Кант, арифметика заложена в наше

сознание вне опыта, она есть познание «априори».

А как дело обстоит с геометрией? Нужны ли нам какие-нибудь линейки, приборы, вроде циркулей и угломеров, чтобы знать, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками?

Кант полагал, что нет (не нужны), что опыт здесь не причём. Достаточно представить себе две точки, чтобы с полной уверенностью утвердить, что только прямая есть кратчайшая линия между ними. Аксиома эта имеет характер строгой всеобщности.

Но откуда такое чудо, что мы знаем о чём-то, не соприкасаясь с этим чем-то, независимо от наблюдения этого факта природы? Как это возможно?

Чудес не бывает (для Канта). Мы знаем из нашего сознания основные положения счисления, геометрии и физики, то есть основные истины о природе, потому что наше сознание и есть тот строитель, который эту природу создаёт. Эти истины не восприняты нами, а, наоборот, природа строится именно по этим, лежащим уже в нашем сознании истинам.

«Априорное знание» – это поистине святая святых кантианства, его сердцевина, его алтарь... и его гроб, саркофаг!

Создавая свою философию, Кант с гневом и презрением выступал против представлений, которые апеллируют к так называемому здравому смыслу:

«Если рассмотреть хорошенько, эта апелляция к здра-

вому смыслу не что иное, как ссылка на суждение толпы, от одобрения которой философ краснеет, а популярный болтун торжествует и делается дерзким».

И вот, прошёл век с небольшим, и все «априорные очевидности» Канта полетели кувырком. Его геометрия, его основные положения физики оказались в числе «суждений толпы» и не более чем достоянием (презренного Кантом) «здорового смысла».

Моя Марина была антропологом, училась на геологическом... И мы посетили музей-лабораторию мозга Института антропологии.

На основе этого посещения (я записал даже) составлено было объяснение «фабрики познания» человека.

Мы видели там гипсовые слепки мозга в порядке хронологии развития человека.

Ничего необычного не было в этом музее антропологии. Всё имело рабочий вид. Только серые слепки эти (мозгов) – и тут холодок проходит по спине и сердце чуть замирает, когда вдумываешься в то, что лежит на полках за стеклом, слепки это и есть Фабрика познания человечества с древнейших времён, с до преисторических времён.

Берется череп и заливается внутри гипсом. Отливка получается чуть больше подлинного мозга, потому что мозг не прилегает вплотную к поверхности черепа. Это можно учесть, на это можно сделать поправку.

Тут можно было снять фильм, как развивался мозг. Наш фильм начинался бы с кадров современных человекообразных обезьян и эндокринного (внутреннего) отлива австралопитека, древнейшего из всех «предлюдей».

Это, во-первых, нечто маленькое и, во-вторых, равномерно округлое, действительно отличающееся от мозга современного человека, как отличается бутон розы от распустившегося цветка.

Потом мы увидим на экране, в нашем фильме, что отдельные области мозга приходят в движение. Некоторые из них выпучиваются, другие перемещаются, как бы давая им дорогу. Черепная коробка тоже претерпевает изменения. Её крышка отступает перед растущим мозгом.

Вот, растут нижняя и височно-теменно-затылочная под-области. Они приподнимают лежащие над ними части, череп становится выше. Вот, начинается рост лобной доли мозга. Весь район лба существенно меняется.

В середине древнекаменного периода предок человека получает человеческий лоб, хотя ещё очень покатый, но уже не похожий на обезьяний. В нашем воображаемом фильме гипсовый муляж мозга древнекаменного человека переходит в живой мозг современного человека. Толстые, разветвлённые кровеносные сосуды, следы которых на древних муляжах едва намечались, окрашиваются в красный цвет. Мы увидим, как пульсируют эти мощные артерии, питая могу-

чий и таинственный аппарат познания. На экране (в нашем фильме) двойной экспозицией намечается черепная коробка, укрывающая мозг, вот намечается на ней мускулатура, и наконец становится плотным и непрозрачным очерк лица нашего современника. Человек открывает глаза, как бы просыпаясь от сна, в котором привиделась ему история развития мозга.

Закончилась ли биологическая эволюция мозга в конце каменного века? Учёные полагают, что да.

А история фабрики познания? Она ведь в то далёкое время только начиналась?

Почему перестал эволюционировать мозг, когда начался прогресс познания? Как объяснить такое противоречие?

Некоторые полагают, что эволюция вида Гомо сапиенс закончилась, как эволюция биологическая, тогда, когда естественный отбор перестал играть главную роль в сохранении жизни вида.

Новый, гораздо более быстрый фактор вступил в действие.

Если естественному отбору нужны были десятки тысяч лет, чтобы надёжно укрыть животное от холода, вырастить ему тёплую шерсть, то теперь достаточно нескольких дней для охоты и выделки шкур, и человек защищён от мороза. Вместо того, чтобы тысячелетия удлинять и оттачивать когти или выращивать крылья. Теперь человек в несколько дней

мог изготовить острый и прочный кремниевый нож или заставить стрелу лететь за добычей, как птица.

Один остроумный мой друг, совсем не антрополог, сказал как-то, что начало прогресса пошло от слабосильных: «они не могли охотиться без изобретений. Я думаю, что не только собственный его дефект зрения натолкнул его на эту идею. (Друг носил очки с большими толстыми линзами). В конце концов, человек как вид очень близорук в сравнении с орлом, например, малоподвижен в сравнении с гепардом, слабый в сравнении со слоном, – а он их всех переплюнул и стал их хозяином уже давно!».

Кант работал, когда наука ещё была плохо оборудована. Поистине в своей «Критике чистого разума» он исследовал чистый разум, то есть разум, лишённый тех сложнейших познавательных приставок, которые ныне увеличили его мощь неизмеримо.

Он вглядывался в него и не находил в нём ничего такого, что отличало бы его от разума времён Аристотеля. Идея «Истории разума» не возникала в нём. Развитие человеческого сознания, вооруженного системой приставок, усилителей, ускорителей, вычислителей, вправленного в разветвленную сеть общественной организации познания, могло показаться в те времена, чем-то несущественным. Ведь даже не подзревалось, что изобретение вилки для еды может изменить закон пищеварения.

Кант вглядывался в разум, наблюдал его деятельность

с его тщательностью и – как ему казалось – объективностью. Современная наука тоже интересуется этими же вопросами. Но какая тут огромная разница! Нынче исследователи мышления работают обставленные сложными и тонкими аппаратами, задача которых моделировать мыслительные процессы, то есть производить эксперименты, свободные от субъективности. Механизм работы «Фабрики познания» ещё очень таинственный, гипотезы сменяют одна другую. До разгадки процессов познания ещё далеко. Может быть, это самая закрытая от нас тайна природы.

– «Самое непостижимое в мире, – вдруг высказался мой друг у костра, – так говорил Эйнштейн, – это то, что мир постижим». —

Наш вечер закончился тогда созерцаниями красот природы, но я не сразу уснул, всё никак не завершался рассказ мой о Канте, и воспоминания нашей встречи с Мариной тоже не давали уснуть. Не спал и друг мой. Мы, не сговариваясь, встали вместе и вылезли из палатки. Вновь затеплили костерок.

– Кант был нужен своему времени, наверное, – сказал друг, опережая мои мысли.

– Да. – продолжил я свои размышления, чтобы уже как-то завершить рассказ о философии:

«Философия Канта соответствовала предстоявшему прогрессу капитализма.

Кант был близок к естествознанию. Оно был страстью его молодости. Написал он, в своё время «Естественную теорию и историю неба» даже. Он создал теорию приливов, он написал о природе землетрясений, о ветрах и ураганах, о таинственных явлениях человеческой психики. И ещё он знал толк в точных науках, в вычислении, производил эксперименты, строил логические рассуждения на основе данных наблюдения и опытов.

Философия Канта приготовила идейную почву для его будущей жизни. Всё разложила по полкам, всему назначила место. Она предупреждала против заоблачных фантазий – они не к лицу деловым людям. Она не советовала тратить мысли и время на философию божественного и предлагала просто верить в Бога и не смешивать веру с математикой. Она устанавливала непререкаемую прочность морали (так надо, так и должно быть – априори), без которой капитализм не мог бы утвердить необходимый для него порядок вещей. И вместе с тем она была, эта философия, аккуратной, осмотрительной, осторожной, умеренной и свидетельствовала о точности своего творца – как главная бухгалтерская книга солидной фирмы».

Конец.

И это другая история

– Приехал я на автовокзал, в город, а там рыночек есть рядом, где бабки торгуют разными овощами, которые из садов-дач своих привозят, тут и грибы, и ягоды продают. – Так вот, там я увидел его: человека с перекошенной улыбкой, как у клоуна. И одет он был в бутафорский театральный костюм генерала без погон. И шапка-картуз был на голове его плоский и мятый одного цвета с костюмом – светло-синий, околышек и верх, с твёрдым черным козырьком. Костюм его явно был большего размера, сам-то он был низкорослый. И штаны генеральские на нём – с красными лампасами по бокам. А сапоги блестели, начищенные, чуть ли не лаком покрытые. – Люди глазели на него, а он выражался гласными, кивая головой, а то и встряхивая ею: э-э-э! Ах -э-о! О-о-о-э! – и что-то говорил бабкам-торговкам несвязно: «Како-мако, тук-то-тук!» – совсем непонятно. Торговки давали ему кушать, – кто яблоко, кто морковь. Он брал, вытягивая руки из длинных рукавов, и так ходил, держа и морковь, и яблоко в одной руке, другой же жестикулировал, будто дирижировал в такт своей «песне» из нечленораздельных звуков: «Э-а-э! О-а-э! Ола-эя!» – и так далее. – Такой человек – «юродивый», как при «царе-горохе», ходил по всей привокзальной площади. Потом я его встречал и на центральном рынке в центре города, – около, – потому что его с рынка

прогоняли.

А от бабок-торговок я узнал, по их рассказам-байкам, которым я не очень-то доверяю, – что этот, ещё не очень пожилой, хотя и седой маленький человек много учился. Он, якобы, окончил у нас в городе Университет, а потом поехал в Академию..., и всё учился и учился, и учился, – от учёбы же и приступ был с ним. И мозги его не выдержали – стал он дурачком, в психбольнице в Семёновке лежал, но так как он не буйный, мать его оттуда забрала. А одежду он из театра берёт, – у него сестра там актриса. \ Но другие говорят, что во время учёбы в Академии, этого «юродивого» избili академики на своей пьянке и стрясли ему все мозги. Вот в общем – болезнь такая – слабоумие любого может коснуться. – так рассказал нам друг рыболов, когда узнал, что я пишу про Деменцию, – про слабоумие.

Конец.

Депрессия

РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ

Еще в 1975 году в журнале «Канадиан» всю обложку занимали фотографии переживающих, не спящих по ночам – мужа и жены попеременно. То жена спит на боку, а муж заложил руки за голову, смотрит в темноту блестящими глазами. Ночь. Время, когда все люди нормальные спят. А потом другая фотография: теперь спит он, а она сидит в их супружеской постели; скорбное, нервное лицо.

И к этим фото прилагается статья: «Внутренний предатель». Вот несколько выдержек из нее:

«Здоровый» уровень тревоги всегда существовал в обществе, и большинство мужчин и женщин так устроены, что они могли бороться с ней. Новым является то, что, по словам социологов, – уровень тревоги поднялся на нездоровую высоту и все растет. И хуже всего, что наша способность бороться с тревогой падает...».

Это было так давно, что сегодня «уровень тревоги», о котором говорили врачи и социологи, перерос в депрессию. Но и тогда уже говорили о депрессии: «она (эта „тревога“) погружает нас в депрессию, делает уязвимыми и готовыми драться между собой супругов и друзей, заставляет слишком много пить спиртного, проявляется в физическом дро-

жании рук, в обильном выделении пота, особенно на лбу и под мышками по непонятным причинам...».

Депрессия же делает нас плохими любовниками – или наоборот, необыкновенно активными, если в сексе решит человек уменьшить свое напряжение, выплеснуть лишнюю энергию. Оттого бывает снижение рождаемости, разрушение семьи и появление маньяков и другое. Несомненно, удачливый человек, вдруг, может внезапно почувствовать неразумный страх за свою жизнь, за свою работу или карьеру. И все по депрессивному синдрому.

В одном дорогом океанариуме находится дорогая чудесная рыбка южных экваториальных морей. В электрическом свете, тоньше и дымчатей самых тонких дамских вуалей, шевелит плавничками-парусами крошечная ярко красная рыбка. Впрочем, разве она красная, замечаем мы через секунду? В ней столько оттенков! На нее можно смотреть бесконечно. И синяя она такая же, что только-что сама не светится изнутри. Дымчатые, обвевают, колышутся вокруг нее плавники. Никто, кроме самой природы, не способен создать такое чудо. Но люди, которым трудно было это чудо «достать», выловить и доставить живым, – установили большую цену в долларах, на то чтобы полюбоваться на чудо природы!

Удивительное это свойство людей: среди всего живого, бесценного, неповторимого – считать имеющим цену и значение только свой труд и свои действия. Даже если эти действия, в конечном счете, бесцельны, а труд разрушителен.

Человек дорожит каждой минутой своего времени, оценивая их в деньгах – и ни во что не ставит миллионы лет, в течении которых трудилась природа. Пока все не отлилось в самые естественные, самые жизнеспособные формы. Но не настолько они оказались жизнеспособны, разумеется, чтобы выстоять перед гарпунными пушками и перенести атомные взрывы.

Конечно, цель всего творения – человек,
Источник знания и прозренья – человек,
Круг мироздания подобен перстню с камнем,
Алмаз в том перстне, без сомненья – Мы!

Пока человек был мал и слаб эти просторы Земли казались ему бесконечными. В ту пору, наверное, он нуждался в таком гимне самоутверждения. Но эволюция не кончилась, более того она как раз развивается: одни виды жизни вымирают и исчезают, а на их место появляются новые виды. Это нагляднее видно по микроорганизмам, свидетельствуют ученые. Вирусы болезней мутируют постоянно, такие появились сейчас, которых не было лет 1000 назад. И растения пропадают, но на их место появляются другие, измененные виды растений, приспособленные к новой измененной человеком природе. А природа действительно изменилась основательно: загрязнения очень значительны. И сегодня что-то в самих основах отношения человека к миру, ко всему, что живет и имеет право жить на планете, что окружает нас – нуж-

дается в пересмотре. И в новом осмыслении. Иначе ничему живому не уцелеть. И людям в том числе.

Альберт Швейцер – философ, писал в тему нам:

«Великая ошибка всех этических систем до сих пор заключалась в том, что они строились только вокруг отношения человека к человеку».

Как долог путь мысли! Так давно это было сказано, когда же это будет услышано? Все еще не видно, чтобы человечество за своими каждодневными заботами и тревогами, – готово было серьезно и трезво взглянуться в то, что ему грядет.

Посмотреть надо в будущее. Природа вымирает и меняется из-за действий человеческой цивилизации. Только в последние годы что-то стало меняться. Жизнь, видимо, сама стала убеждать человека, что все непросто.

Потепление климата, обнаруженное учеными, наделало шума. Один вулкан, вблизи Европы, «заморозил» все аэропорты и компании потерпели убытки. Цунами и ураганы заметно чаще стали приносить разрушения. Природа предупреждает человека, но он пока что не слышит и ничего не может и не хочет сделать полезного. Да и что может слабый человек!?

Остается одно – молиться Богу

Поэтому, наверное, и обратились люди в последнее время к религии, не только к христианской, но возродилось даже язычество и древнее шаманство. В трудные времена люди

часто обращались к религии...

Конец.

Душа и Сознание

Аристотель отмечал, что исследование души человеческой – это есть «... знание о наиболее возвышенном и удивительном».

В человеке много больше непознанного, чем в глубинах океана и в космических просторах бесконечной вселенной. В науке есть область, которая соприкасается с душой, – это психология. Само слово психея, в греческом языке означало – душа. Но наука, хотя и носит такое название: изучающая душу, к самому предмету, к душе мало имеет отношение. Потому что душа даже больше самого Сознания.

Сознание ближе к душе, но и сознание человека – это еще не душа. Как определяет наука: сознание – это высший уровень отражения человеком реальности. Человек ощущает себя, благодаря сознанию, отделенным от окружающего, то есть все предметы и весь мир, не принадлежат к нам, к нашему природному телу. И мы можем игнорировать окружающее, приспособлять его для любых своих целей, жить без того или иного, жить с тем или иным: мир окружающий принадлежит нам, отдан в наше распоряжение. Вот что делает наше сознание. Но сознание – это еще и накопление знаний о мире окружающем, которое с младенчества собирается в нем. А затем полное знаний сознание наше, может и передает эти знания, выраженные в знаках символах и словах,

другим людям для дальнейшего их совершенствования. Сознание не стоячая вода в болоте, а текущая река двигающая, крутящая турбины прогресса. Сознание призвано работать и не работать оно не может, так уж устроена его природа.

Именно благодаря сознанию человек выдвинулся из природы и животного мира на высшую ступень существования, благодаря сознанию человеку доступны воображение и речь. Человеческое восприятие мира, благодаря сознанию, обладает предметностью, а память – произвольностью и выбором (плохие вещи и события мы помним долго, а хорошее часто забываем). Мышление наше, также благодаря сознанию обладает абстрактностью и неистребимым стремлением к познанию всего и вся, даже самого себя.

Душа.

И вот, это самое сознание привело человека к тому, что он задумался о своей душе. Только на исходе 20-го века наука вплотную занялась этим вопросом, вопросами о душе. 1 Есть ли она у человека? 2 Какова она: из чего состоит? 3 И где она помещается в человеке?

По религиозным представлениям о том, что в момент смерти душа покидает тело, ученые решили зафиксировать это. Были созданы сверхчувствительные весы: и оказалось, что вес человека в момент смерти уменьшается. Учитывая все, и последний выдох воздуха, и потерю электрического потенциала, – вес человека уменьшался на 3 – 5 граммов. Вот, казалось бы, – душа!

Эксперимент неоднократно повторяли, и каждый раз умерший весил меньше живого на 2,5 – 6,5 граммов, Разницу отнесли на счет того: кто сколько накопил в душе своей. Ученые предполагают, что это вес души. Так значит она есть! Это был ответ на первый вопрос.

На этом не остановились. Следующий вопрос: как она выглядит? Тоже, как будто, решен был учеными. С помощью ряда приборов в инфракрасном и ультрафиолетовом свете удалось зафиксировать, как в момент смерти от человеческого тела отделяется объект, похожий на яйцо. Размеры яйца, конечно, не большие, это не как некая аура, окружающая человека при жизни его. В некоторых культурах яйцо является символом жизни. Это был частичный ответ на второй вопрос. Потому что неизвестно из чего душа состоит до сих пор и нам, наверное, не узнать об этом.

И, кажется, был получен ответ на третий вопрос: где же помещается душа в человеческом теле? Раньше думали люди, чтоместилищем души является сердце. От сердца идут помыслы, в сердце таятся обиды, сердце тревожится о близких, сердцем любят друг друга. Но сегодняшние ученые исследователи полагают, что душа находится в мозге, рядом с сознанием и сознание иногда, может руководить душевными порывами, то останавливая их логически и здраво рассудив.

Конкретнее,местилищем души считается маленькая шишковидная железа – эпифиз. Ученые, считающие эту

железу ответственной, говорят, что это всё, что осталось у человека от «третьего глаза», некогда располагавшегося на затылке. Существует гипотеза, что третий глаз помогал не только в круговом зрении, но и давал возможность человеку видеть сущность предметов, осматривая их как бы изнутри. «Третьему глазу» приписываются многие способности: он позволял, не сходя с места, попасть в любую часть света, приобщаться к тайнам мироздания, знать прошлое и будущее.

Кажется, материализм победил. Однако.

Человечество так многочисленно, что передовые знания, которые ведут прогресс и развитие, доступны не всем. И только меньшинство населения верит в материалистические истины. Большинство же никак не может оторваться от истин прошлого. По-прежнему – целые народы, нации, целые страны остаются верующими в Богов, в потусторонний мир, в мистику.

Посмотрите, как мы хороним своих умерших предков, отцов и матерей. Мы исполняем обряды древние, даже если живем и работаем в развитой стране с научными достижениями, с космическими кораблями, бороздящими просторы вселенной.

Похоронные обряды родились из тех же понятий о душе человека, которая, как надеется человек до сих пор, не умирает. Душа вечная. Так думали и думают почти все люди

на земле. А вот уже о пути души после смерти предположения были самые разные. Огромный путь в тысячелетиях прошло человечество в своих воззрениях на посмертную участь свою.

По первым принятым обычаям, тело хоронили вблизи поселений, а душу умершего, чтобы она не беспокоила живых, с помощью обрядов направляли в загробный мир, о котором у каждого народа были свои представления.

Во многих языках одно и то же слово означало и душа и дыхание. Это понятно, поскольку дыхание оставляло человека после смерти, и это легко связывалось с жизнью. Дыхание представляет облачко воздуха, незаметно переходящее в воздушное течение, а потом и в ветер. От образа летящего ветра очень близко до образа летящей птицы. Поэтому представление о душе, как о птице – тоже типично для древности.

Но у некоторых народов душа помещалась в некоторых частях тела: в сердце, печени или почках. И это был другой культ. Так в египетских захоронениях находят извлеченными из мумий внутренние органы, помещенные в отдельные сосуды.

Для ранних классовых обществ было характерно представление о том, что в загробном мире будут блаженствовать лишь знатные и богатые, а прочим дается такое же тяжкое и безрадостное существование. Фараонов и знать снаряжали в загробный мир с огромными сокровищами и с едой и прочим. Бедным же порой даже не хватало средств, чтобы со-

хранить в нетленности свое тело.

У многих народов в древности считалось также, что у человека много душ. Одна душа в дыхании, другая жизненная сила, еще есть души органов телесных.

В Древнем Китае, например, среди многих душ человека были две основных: одна из которых улетала, а другая оставалась возле мертвого тела и не исчезала пока тело полностью не разложится.

Австралийские аборигены полагали, что душа усопшего не умирает до тех пор, пока не исчезнет память о ней среди живых людей.

У Гомера души умерших – это тени, лишённые памяти и речи. Души слоняются по темному аду, но оживают после принятия крови, получают на время дар речи и вспоминают свое прошлое.

Древние люди верили, что в каждом человеке есть двойник. Он покидает тело временно, во время сна или обморока. И покидает тело навсегда при смерти его.

Какой сложный путь прошло человечество. И еще продолжает нести это бремя заблуждений и поверий.

Многие древние учения наделяли душой не только человека, но и все, что его окружало: зверей и птиц, камни и леса, озера и горы.

Можно судить по разному, что было вперед – или сначала люди наделили природу духами и душой предметы её. Или то, что идея о человеческой душе породила мысль, что всё

окружающее одушевлено.

Но на этом представлении о всеобщей одухотворенности природы основана идея – реинкарнации, или переселении душ. И это учение не только в Индии. Есть и в русских сказках примеры, когда умирала красавица, а на могилке её выросло деревце, березка, в которую воплощалась её душа. И подобные, когда деревце заменялось цветком розы и прочее.

В Индии учение о реинкарнации души развилось в сложное мировоззрение. Исполнение Законов касты своей составляет Карму, которая определяет участь каждого существа в мире. В награду за правильную жизнь получит человек повышение по пути Сансары, бесконечной цепи перерождений. За нарушение законов кармы, за злые дела может воплотиться душа в низшие касты, в животное.

Буддисты, которые тоже развивали эту же идею реинкарнации, отрицают наличие души совершенно.

Но признают, что тело наше – это не единственная составляющая человеческого существа. Вот они, буддисты, более всего приблизили или заменили душу Сознанием. Совокупность мыслей, поступков и черт характера человека, – после смерти распадается на отдельные элементы и вновь соединяется под воздействием Кармы для нового воплощения в теле человеческом же, в рожденном вновь человеке. У находящегося в Сансаре человека есть даже право выбора своих роди-

телей: сознание его проходит устрашающие видения, в конце всего видит на земле пару зачинающую новую жизнь и может войти в нарождающуюся плоть. Это написано во многих книгах и довольно давно: «книга мертвых», например, как инструкция к поведению сознания после смерти. Души как таковой нет, есть сознание – личность человеческая, которая передается из поколения в поколение.

Такую теорию перерождений могут подтверждать многочисленные факты «дежавю», – когда человек вспоминает события столетние и даже несколько веков ранее произошедшие. Он будто бы был в прошлой жизни тем человеком, о котором вспоминает сознание его, на самом деле недавно родившегося и в другом городе. Таких фактов «Дежавю» очень много по всему миру и это ставит в тупик не только верующих, но и ученых. И тут вопросы возникают другие: Сознание или Душа? Загробный мир или Сансара и перерождение?

Вот к чему мы пришли. Душа, якобы найденная учеными, может оказаться совсем не душой. «Сознание – личность» из сложной версии Буддистов может оказаться правдой! А все обряды похоронные и поверья о загробном Рае и Аде, уже должны отживать себя.

Какими бы не модными казались нам религии, они ничем не отличаются от религий пещерных людей.

Конец.

Тело и душа без философии

Прежде чем приступить к разъяснению этой возвышенной темы, важно отметить следующее. Любому читателю кажется, что определить понятия тела и души можно лишь при помощи абстрактных теорий, обычных для такого рода объяснений. Однако с развитием науки человек удаляется от абстрактной философии и всех ее атрибутов. Все что мы напишем, будет излагаться с чисто научной точки зрения согласно простому осознанию практических вещей.

Человек всегда думает о своем существовании, о том: кто его создал, как он устроен и что от него останется после смерти. Все имеющиеся по этому поводу мнения разделяются на три основные группы: теория веры, теория дуализма и теория отрицания.

Начнем «от противного» (математический термин):

Теория отрицания.

Этой теории придерживаются исследователи, отрицающие наличие духовной реальности. Они признают в теле только его материальность. Нет в теле человека какой-либо духовной сущности. Они изначально убеждены, что разум человека также является не чем иным, как плодом тела. Тело, в данном случае, уподобляется исправной биологической машине: с проводами, тянущимися от органов к мозгу. Этот

механизм приводится в действие вследствие контакта организма с внешними раздражителями: ощущения боли или наслаждения направляются в мозг, который, в свою очередь, дает команду о том, какое произвести действие. Все управляется посредством нервов-проводов и жил, присоединенных к ним по программе отдаления органа от источника боли и приближения его к источнику наслаждения.

Именно таким образом, утверждают сторонники теории отрицания, происходят в человеке осмысление и реакции на все жизненные ситуации.

Кажется, это вполне научное представление, так как наше тело, действительно, ни в чем не нуждается, если его рассматривать как механизм. Почему у тела должно быть что-то еще, кроме того, что описывает данная теория? На самом деле, единственное дополнение относится к программе. Можно добавить, что существует не только само биологическое тело, но еще и более возвышенные желания, мысли, которые подчиняются той же самой программе (в генах): жаждут наполнения. Весь вопрос в том, что является наполнением для этого желания. Можем ли мы управлять видом наслаждения, и таким образом произвести в себе какие-то изменения?

Медицина и биология исследуют работу человеческого организма, и видно, что наше тело, действительно, представляет собой некую машину. Даже в той части «человековедения», которая считается относящейся к душе и занимается психикой, наука открывает действие жестких законов. Все

склонности человека заданы его генами. И скрытая предрасположенность, оказывается, изначально заложена. Поэтому «теория отрицания» наиболее близка к правильному истолкованию понятий тела и души.

Теория веры утверждает, что нет ничего, кроме души или духа. А материальный мир порожден, создан Духом. Существуют духовные сущности, качественно отличающиеся друг от друга. И есть духи, которые называются «человеческими душами», которые обладают самостоятельной реальностью еще до того, как спускаются в мир и воплощаются в теле человека. Когда тело умирает, его смерть не распространяется на души, поскольку они простые духовные сущности и во времени вечны, как вечен вообще Дух.

Тогда тело представляет некое одеяние для души, нужное для существования в этом мире. Через тело душа проявляет свои силы, качества и различные способности. Таким образом, душа дает жизнь и движение телу. У самого тела нет ни жизни, ни движения – нет ничего, кроме материи, которая останется мертвой без духовной сущности, без души, без духа.

Биологическое тело является смертным, а душа, облачённая в него – вечной и бессмертной. Мы можем пересаживать органы одного человека другому. Даже лишившись отдельной части тела (руки, ноги), человек продолжает жить, если она не является жизненно важной, как сердце. Главное душа

в теле.

Теория веры является наиболее распространенной среди религий. Однако эта теория не дает ответа, оставляет спорным вопрос о том, что представляют собой тела всех остальных творений, кроме человека. Существует ли душа у животных и растений? В этой теории больше вопросов, чем ответов.

Теория дуализма. Она представляет собой сочетание нескольких доктрин. Её сторонники верят в двойственность сущности человека. Тело является совершенным созданием, оно живет, питается и сохраняет свое существование, удовлетворяя свои потребности. Тело не нуждается в помощи какой-то сущности духовной. Оно само создает такую сущность, то есть душу.

Наблюдая естественные биологические процессы, считается, что тело существует само по себе. Клетки соединяются в целый организм – большой, сложный, состоящий из множества компонентов. Жизнь является, по сути, следствием жизнедеятельности клеток организма. Этот факт обнаруживается при изучении всей природы.

Разум, появившийся в результате эволюции, развития и усложнения жизни, сам выработал духовную сущность – душу. Для деятельности души остается только лишь навыки и хорошие качества, их духовные разновидности. Душа нуж-

на для лучшей приспособляемости в мире, полном препятствий для жизни.

Вывод.

Имеется несколько аспектов в вопросе о душе и теле. Теории, которые ставят в зависимость от посторонних «духов» существование человека уже отмирают в науке. Однако возврат к ним происходит периодически и постоянно. Помимо биологической жизни организма, в каждом из нас есть нечто возвышенное. И это требует – бога, духа.

Возможно, есть люди, не имеющие души вообще и пребывающие на абсолютно «животном» уровне.

Очевидным для всех фактом является то, что человек по своей природе подвержен сомнениям. И любое заключение, которое определяется как очевидное, по прошествии времени подвергается сомнению, умножается сила теоретизирования и находится другое объяснение прошлым фактам.

Если человек действительно обладает абстрактным мышлением, он ходит по этому кругу всю свою жизнь: вчерашняя очевидность обращается сегодняшними сомнениями, а сегодняшняя очевидность превратится в сомнения завтра, так что в рамках абсолюта невозможно прийти к уверенному умозаключению больше чем «на сегодняшний день».

Знание, полученное нами в результате изучения и исследования, остается верным только на настоящий момент, а в дальнейшем мы можем добавлять к нему дополнительные данные и получать более четкую картину. То, что сегодня ка-

залось нам очевидным, – завтра будет или признано частично верным, или вообще отвергнуто. Поскольку мы увидим, что данные получены либо случайным образом, либо верны при каких-то ограниченных условиях и не доказывают общей закономерности. Так мы продвигаемся во всех научных исследованиях.

Информация постоянно изменяется, и мировоззрение не просто расширяется, но и полностью меняет свои ценности.

Все, что необходимо сделать сегодня, – это изучить самого человека, и тогда мы, может быть, поймем устройство мироздания в целом.

Именно человек устанавливает, своими пятью чувствами, – все, что присутствует в действительности. Поэтому задача стоит – исследовать само понятие «человек». Тогда мы поймем, состоит ли он из независимых друг от друга души и тела, или это ощущение мнимое. Человеку кажется, что он подразделяется на душу и тело, и точно также ему представляется, что реальность делится на него самого и на окружающий мир, который, в свою очередь, дробится еще на разные уровни. Все это мы сможем выяснить только при условии, что будем изучать самого человека.

Поэтому никакие рассуждения не могут претендовать сейчас на точные и неоспоримые истины. Знания в развитии постоянном.

Конец.

Душа И пояснения в проповеди

Душа.

Хотя душа в момент смерти не умирает, но продолжает жить и над ней совершается суд, – Церковь верует, что в конце мировой истории будут – и всеобщее воскресение мертвых и всеобщий Суд, который станет окончательным.

В момент смерти душа выходит из тела и вступает в новую форму существования, однако она не теряет ни памяти, ни способности мыслить и чувствовать. Более того, душа уходит в иной мир отягченная грузом ответственности за прожитую жизнь, неся в себе память о ней.

Христианское учение о Страшном суде, ожидающем всякого человека после смерти, – основано на том, что все совершенные человеком дела, добрые и злые, оставляют след в его душе еще при жизни, и каждый может это чувствовать. Но за все предстоит дать ответ перед Абсолютным Добром (перед Богом), рядом с Которым никакое зло и никакой грех не могут существовать и будут уничтожены.

Царство Божие несовместимо с грехом: «Не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны в книге жизни» – так написано в книге Апокалипсис 21гл.:27.

Всякое зло, в котором человек со всей искренностью не покаялся на исповеди, всякий грех утаенный, всякая

нечистота души – всё это будет выявлено на Страшном Суде: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...» – говорил Христос, в Евангелии Марка 4гл.: 22.

О Страшном суде знали уже в Ветхом Завете. Екклесиаст говорит: «Веселись юноша в юности твоей... только знай, что за все это Бог приведет тебя на Суд» (Еккл. 11:9). Но особенно ясно сказал о том Сам Христос: в Евангелии от Матфея 25гл.:31—37, 40 -42, 46.

Слова Христа показывают, что Страшный суд для многих людей станет моментом прозрения: те, кто были уверены в своем спасении, вдруг, окажутся осужденными, а те, которые может быть не «встретили» Христа в земной жизни, но были милосердными к своим ближним, окажутся спасены.

В притче о Страшном Суде – царь не спрашивает людей, ходили ли они в Церковь, соблюдали ли посты, молились ли подолгу. Богу неинтересны дела, которыми человек раздражает душу свою, чтобы ей больше не грешить. Но Бога интересует отношение человека к своему ближнему: «Истинно говорю вам, так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» – говорит Иисус Христос.

По делам своим осудится и по делам своим оправдается человек. И слово – есть дело, именно поэтому и говорится: от слов своих осудишься или оправдаешься. Сквернословие уст и то является критерием Суда, а дела нечестивые тем бо-

лее.

Страшный Суд будет над всем человечеством, как над верующими, так и над неверующими. Но если христиане будут судиться по Евангелию, то язычники – по «закону совести, написанному в их сердцах» – так объясняет апостол в послании Римлянам 2гл.:15.

Святой преподобный Силуан Афонский говорил с душевным волнением: «Ну скажи мне, пожалуйста, – если посадят тебя в Рай, и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, брат твой – человек, то будешь ли ты покоен?» И со скорбью завершил: «Любовь не может этого понести... Надо молиться за всех!». Так пишет его биограф архимандрит Софоний: «Душа его томилась сознанием, что люди живут, не ведая Бога и Его любви, – и он молился великою молитвою... за живых и усопших, за друзей и врагов, за всех людей!».

Пока живет Церковь, – а она будет жить вечно, – не прекратится молитва о погибающих и погибших даже тогда, когда время переплавится в вечность и «мы изменимся» -по словам апостола 1коринфянам15:51—54. – Церковь будет молиться Богу о спасении всех людей и всего созданного Им мира.

Миссионерская проповедь.

Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет

их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне, – как говорит Писание: Евангелие от Матфея 7гл.:24—25.

Вера, построенная наспех, поверхностно, только лишь из чтения книг Церковных, даже Евангелия, – бывает слабая, как построенный на песке дом (Мф.7: 26—27).

Вера человека проверяется в искушениях, в болезнях, в скорбях и лишениях. Такая испытанная вера и составляет тот фундамент на камне, не могущий поколебаться. Только истинная вера научает нас преодолевать соблазны – и безропотно терпеть скорби, и только в свете такой веры открывается для человека смысл переносимых страданий, да и смысл самой жизни.

И вера человека невозможна без веры Церкви Христовой, в первую очередь ее вероучительным догматам, а также верности священному Преданию и церковным традициям. А потому не может быть веры легкой – «просто веры», когда будто бы знает человек, что есть Бог, а сам поступает по похотям своим, как ему вздумается. Если ты веришь в Бога, тогда ты должен верить, что есть и заповеди Его! И заповеди надо соблюдать. Это и есть трудность.

Вера истинная требует от человека усилий, и усилий над собой, над всей своей жизнью. Надо не только знать и изу-

чать заповеди Божии, но учиться и стремиться исполнять их все. А это не только – «не убей», но и «не завидуй». И не только «не прелюбодействуй», но даже и не думай с прелюбодейством в уме, когда смотришь на человека противоположного пола. Так именно Христос говорил: Матфея 5:28.

Построить дом на камне или на песке?

Что такое песок (?) – это вся информация, накопленная человеком за все время его жизни. Но есть и камни – это принципы, которые формирует в душе и в сознании своем человек. На твердых принципах, на своей уверенности должен основывать свою веру человек.

Тогда получается, что верить нелегко, трудно, особенно современному человеку, в современном мире, где кругом искушения, одно за другим. Потому что истинная вера требует некоторого аскетизма – воздержания от соблазнов жизни. Это и отказ от прелестей пищи во время постов, и отказ от кучи развлечений, которые предлагает современная цивилизация.

Однако, все отказы от цивилизации нельзя принимать и понимать буквально. Вера не предполагает вернуть человека назад к пещерному существованию. Но использовать достижения цивилизации не в ущерб нравственности человеческой, которая тоже формировалась по возрастающей: если в древности – «око за око», то теперь не так, но по-христианскому надо поступать. О том же и в учении апостольском хорошо сказано: «1Коринфянам 6:12—13 – Все мне позво-

лительно, но ничто не должно обладать мною». И еще «1Коринф.10:23—24 – Все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого».

Подвергаясь мирскому учению и соблазнам бывают всегда перегибы разума человеческого. Казалось бы, в средневековье, после тысячи лет Христианства, учение Веры должно быть усвоено людьми. Но убивались сотнями люди во времена инквизиции и погибали во время крестовых походов целые народы, под именем Христовым грабилось золото, богатство для украшения Храмов.

Бесы поступают также и сегодня и всё изощреннее, когда человек становится умнее. И в сегодняшнее время тоже есть перегибы.

Проводники и миссионеры современности, которые проповедуют сегодня в различных слоях населения нашей страны, – это следующие:

- 1) Отец Андрей Кураев – проповедует среди рокеров.
- 2) Отец Глеб Каледа – организатор миссии среди заключенных в тюрьмах.
- 3) Отец Александр Дворкин – среди сектантов, пытаюсь вернуть их к православию.
- 4) Отец Даниил Сысоев – среди мусульман.
- 5) Отец Тихон Шевкунов – проповедует среди алкоголиков, среди пьяниц.
- 6) Отец Всеволод Чаплин – желает проповедь проводить в ночных клубах.

Настолько сильно воздействие цивилизации на человеческое сознание, что в угоду «новому миру», старается человек и Веру подделать под нововведения мирские. Забывает все, нажитые предками, достижения нравственности, желает веру приблизить к миру. А «мир» и Церковь просто несовместимы: в народе давно различается – ты мирской, а я церковный. И не только потому, что работает человек в Храме, это само собою, существует обряд воцерковления.

И вот появляется сегодня – такая «обмирщенная» вера. Человек пытается совместить сегодняшнюю суетную действительность с преданием древних христианских святых. И если тексты преданий, сказаний о подвигах древних христиан прочитать буквально, безо всяких толкований, – то никак невозможно такое совмещение.

Чтобы быть верующим, надо понимать веру. Прежде чем что-то понимать, надо знать о предмете хотя бы основы. Надо учиться основам верования. Но сегодня ученичество забывается. Мало кто учится и хочет учиться. Мы, конечно, уповаем на действие благодати Божией, – когда Господь Сам призывает человека к вере: «Если Бог не призвал, то и ухищрения не помогут». Но сегодня такое время, что в делах веры – народ неграмотен: даже в центральных Московских Храмах большая часть прихожан не понимают: как, что, и почему в Церкви происходит действие во время богослужений; как, что и почему в духовной жизни должен поступать христианин; многие не знают простых элементарных ве-

щей – свечку поставить не могут.

А с самого начала, со своего зарождения, христианство предполагает – ученичество. Всех своих последователей Христос называл учениками.

Красной нитью через все первое Евангелие проходит слово – «ученики». «Тогда ученики Его, приступивши, сказали Ему...», «Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» – Матф. 15:12, Матф. 17:13.

И близко к теме, ключевыми являются Слова Христа: «Матф. 15: 8—9 Приближаются ко Мне люди сии, устами своими и языком чтут Меня; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям и заповедям человеческим». Учения человеческие у нас: «великая рок музыка», «ночные клубы», – сегодня, с боем барабанов и под вой сирен снова хотят приблизиться ко Христу.

А заповеди же Божии, сегодня, стали трудны для понимания. Во-первых: сменился сам язык мирской, с прошедшим временем и многие понятия сменились на прямо противоположные.

Действительно, есть трудности, чтобы усвоить и правильно понять вероучение Церкви современному человеку. Надо приложить немало усилий. Но именно о том и проповедовал Иисус Христос, явно, что пророчества относились к нашим временам: «Царствие Божие усилием берется, и употребляющие усилие восхищают его» – Матф. 11:12.

А усилие совсем не в материальном достижении состоит.

Христианство – это не достижения спортивные или соревнование в ловкости махания кадиллом, а также не в том, чтобы все могли стоять на камне на коленях по 1000 дней (как это делал святой Серафим Саровский). «Не каждому дано – но кто может, да вместит» – говорил Господь. И апостол, поясняя учение Христово, говорит не о физическом аспекте веры, а даже прямо наоборот: (1Тимофею 4:7—9) – «а упражняй себя в благочестии; ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на всё полезно...». Проповедь первой христианской общины вся сводилась, в основе, к нравственному отношению среди людей.

Было другое время – это раз, рабство и войны с копьями и стрелами. Сегодня пистолет и автомат и бомбы есть у каждого бандита террориста. Но людям в те времена не надо было объяснять, лишний раз, что в Храм ходить надо обязательно и старых людей надо уважать – «почтенная старость», это с детства было привито человеку. А сегодня в Храм ходят, время от времени, чаще всего, когда беда и горе, смерть близких людей. В старину люди знали, что надо чаще молиться, но и странников и нищих надо напоить и накормить. А сегодня бродягу избыют и отберут последний кусок у старика.

Новое время и нравы (как мы думаем) – новые? Нет, совсем нет, – нравы человеческие пока мало изменились. В религии теперь видят только обряды. В древности, исполнение обрядов было повседневным и обычным делом. Обря-

ды, конечно, нужны, но тут нужна мера и церковные обряды не должны преобладать. И без них нельзя. Именно за это упрекал Христос тех иудейских священников, фарисеев и саддукеев: в Евангелии от Матфея 23гл.: 1—5 и далее 23гл.: 23, – «сие надлежало делать и того не оставлять» – говорил Христос.

Итак. Если хочет человек стать Христианином – ему надо учиться. И учиться, активно входя в жизнь Церкви. А священники, в этом случае, должны грамотно объяснять те же обряды и истины, чаще говорить проповеди с амвона.

Христианская Церковь имеет вековую традицию научения человека вере – это Храмовые богослужения, которые всем своим строем и действием проповедают о Христе в наглядном, образном виде. И все молитвы, созданные веками, говорят и проповедают о Боге: Отце и Сыне и Святом Духе. А в частной жизни, дома, христианин научается из Молитвослова правильному пониманию Веры и церковных традиций. Такие молитвословы с пояснениями были учебниками в Церковно-приходских школах до Революции 1917года. Так с детства, научаясь молитвам, человек получал знания христианства вообще. Тогда, посещая Храм, церковь, – человек понимал суть богослужения и сам становился участником службы Богу. Выходил из Храма христианин истинно верующим, во всех делах полагался на помощь Божию. И все дела свои начинал: Господи благослови! – а по окончании дела: Слава Богу! – как и написано в молитвослове!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.